

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования**

**«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»»**

Факультет Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения

Веркеев Арсений Максимович

**МОБИЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА В РОССИИ:
ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ
ВИКТИМИЗАЦИОННОГО ОПРОСА**

Выпускная квалификационная работа по направлению подготовки
магистра 39.04.01 «Социология»
(образовательная программа «Современный социальный анализ»)

Руководитель

ректор и профессор АНООВО «ЕУСПб»,
PhD, д-р социол. наук
Волков Вадим Викторович

подпись

подпись студента

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Мобилизация права в теории и исследованиях	7
1.1. Теоретические аспекты мобилизации права.....	7
Теория мобилизации права	8
Подходы к исследованию мобилизации права	12
1.2. Обзор литературы.....	16
Тестирования теории Блэка	17
Эмпирические индикаторы.....	18
Глава 2. Эмпирический анализ данных о мобилизации права в России.....	24
2.1. Данные	24
Виктимизационные опросы как источник данных.....	24
RCVS 2018	29
2.2. Методология	34
Зависимые переменные	34
Гипотезы и объясняющие переменные.....	38
2.3. Результаты.....	44
Регрессионные модели траектории мобилизации права.....	44
Обсуждение результатов: обращение в органы.....	47
Обсуждение результатов: успешность обращения.....	50
Заключение.....	55
Список литературы.....	58
Приложение 1. Средние предельные эффекты.....	63
Приложение 2. График отношений шансов	65

Введение

Актуальность темы исследования. Решение жертвы преступления обратиться в полицию можно считать самым влиятельным решением в уголовной юстиции [Skogan, 1984; Gottfredson, Gottfredson, 1988; Berg, Rogers, 2017]. Это связано в первую очередь с тем, что по всему миру большая доля преступлений не доходит до сведения правоохранительных органов, представляя собой так называемую латентную преступность, т.е. не зафиксированную правоохранителями по той или иной причине часть преступности. Россия – не исключение. Уровень латентной преступности в нашей стране примерно в восемь раз превышает официально регистрируемый государственной статистикой уровень преступности [Титаев, Кнорре, 2018].

Решая, сообщать ли полиции о случившемся в их жизни инциденте, граждане выполняют функцию фильтров, находящихся в самом начале потенциального уголовного процесса. То, что стало уголовным делом, когда-то было обычным звонком в полицию. В отсутствие обращения в полицию со стороны граждан правовая система имеет гораздо меньшие шансы узнать об преступлении [Black, 1973]. По всей видимости, даже решение потенциального преступника совершить злодеяние является менее важным для работы правовой системы, чем решение жертвы сообщить о нём.

Россия является одной из самых больших юрисдикций мира, а в силу особенностей системы статистического учета имеет колоссальные объемы данных о работе правоохранителей, производимые государством. При этом остается ничтожно малым объем данных о работе правоохранительной системы и преступности, которые бы производились силами независимых исследователей. В частности, о неофициальной структуре преступности и виктимизации (опыте жертв преступлений) в России до сих пор известно очень мало. Объем и характер мобилизации права со стороны людей, подвергшихся преступным посягательствам в России, требует тщательной оценки. Настоящая работа отчасти заполняет данный пробел, используя российские опросные данные о преступности, позволяющие узнать о ней из первых рук – от самих жертв преступлений. Виктимизационные опросы в США и других развитых странах являются развитой практикой, нередко финансируемой государством на постоянной основе, в России же эта практика только на этапе зарождения.

Автор работы ставит следующий **исследовательский вопрос**: есть ли связь между характеристиками жертвы и преступления, и характером мобилизации права по поводу этого преступления в России? **Объект исследования** – совершеннолетние жители России, ставшие за последние пять лет жертвами преступления в России. **Предмет** – поведение, связанное с мобилизацией права или её отсутствием.

Целью настоящей работы является выявление наличия и характера связи между разными характеристиками преступления и социального статуса жертвы и вероятностью обращения в правоохранительные органы по поводу этого преступления, а также успешности этого обращения. Для достижения цели поставлены **задачи**:

1. Проанализировать теоретические основы социологического исследования мобилизации права;
2. Проанализировать существующие в литературе эмпирические исследования мобилизации уголовного права;
3. Обосновать необходимые данные и методологию исследования мобилизации уголовного права в России;
4. Выдвинуть конкретные гипотезы о закономерностях мобилизации уголовного права в России;
5. Провести количественный анализ закономерностей мобилизации уголовного права в России на основе данных виктимизационного опроса;
6. Интерпретировать полученные в ходе анализа результаты.

Теоретическая основа исследования – подходы социологии права, криминологии, а также такой междисциплинарной области исследований как право и общество (law and society), согласно которой правовая реальность зависит от социальной структуры и неразрывно связана с обществом. Основная рамка – теория мобилизации права социолога Дональда Блэка [Black, 1973; 1976]. Согласно этой социологической теории, право является государственным социальным контролем, к которому в различных ситуациях могут обращаться как правоохранители, так и простые граждане. Решение обратиться в правоохранительные органы по поводу преступления здесь рассматривается как пример мобилизации права гражданами. В то же время мобилизацией права являются следующие за обращением гражданина решения правоохранителей. К примеру, полицейские, официально регистрируя сообщение гражданина, или следователи, возбуждая уголовное дело, своими действиями мобилизуют право. Эти же действия являются своего рода критерием качества (успешности) изначальной мобилизации права со стороны гражданина. Идея Блэка также в том, что присутствие государственного социального контроля в конкретных ситуациях можно эмпирически измерить количественно с помощью учёта действий людей, обращающихся к праву или использующих его. Дополнительной теоретической предпосылкой работы выступает подход количественной криминологии, связывающий тяжесть преступления с шансами на то, что произойдёт мобилизация права [Gottfredson, Gottfredson, 1988].

Методологической основой исследования является регрессионный анализ. Вся предварительная обработка и анализ данных в исследовании выполнены автором на языке программирования R с использованием среды разработки RStudio. **Эмпирическая база**

исследования – первый и на сегодняшний день единственный репрезентативный всероссийский виктимизационный опрос (опрос жертв преступлений) Russian Crime Victimization Survey (RCVS), в 2018 году проведенный Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге (ИПП при ЕУСПб). Аналитическим массивом данных в диссертации выступает выборка из 3001 жертв преступлений, полученная в ходе этого опроса. Из опроса стало известно, что люди, сталкиваясь с преступностью в России, обращаются к правоохранительным органам в среднем в 48,5% случаев. Этот показатель в целом не удивителен и примерно соответствует аналогичным показателям по США и странам Европы [Berg, Rogers, 2017: 452–454] (проводить такие сравнения надо осторожно в силу различий в технологии проведения виктимизационных опросов в разных странах; данная работа не ставит целью компаративный анализ). Детальное изучение закономерностей поствиктимного поведения (поведения жертвы преступления после преступления) там, где оно касается мобилизации права, требует использования продвинутых количественных методов, таких как регрессионный анализ, что и предпринято в данной работе.

Теоретическая значимость. Есть дефицит работ как в российской, так и в зарубежной науке, которые бы критически рассматривали методологию исследования мобилизации права и концентрировались на проблемах операционализации и выбора данных, часто подвергаемых рефлексии в недостаточной мере. Данная работа преодолевает этот дефицит. Также работа тестирует положения социологической теории права, что безусловно говорит в пользу её теоретической значимости. Новом вкладом в дискуссию о теории права Блэка является введение новых российских опросных данных, а также пересмотр некоторых вопросов, касающихся операционализации и выбора объясняющих переменных.

Практическая значимость работы заключается в том, что она производит выводы о важной части поведения людей – их взаимодействии с правовой системой. Объём и характер обращений в правоохранительные органы со стороны граждан может выступать косвенным показателем базового доверия к ним со стороны общества. Работа позволяет выявить закономерности в мобилизации права и показать наименее склонные к этому группы жертв преступлений, а также выделить характеристики преступлений, значимо влияющие на поствиктимное поведение. Анализ, проводимый в диссертации, даёт новую информацию о поведении жертв преступлений в России – части реальности, до сих пор слабо изученной и поэтому плохо связанной с принятием решений политическими и правоохранительными институциями, а также представителями гражданского общества и общественных организаций.

Апробация. По теме диссертации автором опубликовано две статьи (одна из них в соавторстве) в рецензируемом научном журнале по социологии, индексируемом в базе Scopus [Веркеев, 2018a; Веркеев и др., 2019]. Также по теме диссертации автором был представлен доклад на международной научной конференции «Российская полиция: три века служения Отечеству» (Санкт-Петербургский университет МВД России, апрель 2018 г.), по итогам которой опубликованы тезисы [Веркеев, 2018b]. Разделы 1.1 и 1.2 работы представляют собой доработанный текст статьи 2018 г., раздел 2.1 частично опирается на статью 2019 г. и тезисы.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и двух приложений. Во введении вводится контекст исследования, обосновывается его актуальность, формулируется исследовательский вопрос, объект, предмет, цели и задачи исследования. Дается информация о теоретической и методологической основе исследования, его эмпирической базе. Также приводятся сведения об апробации работы. Глава 1 знакомит читателя с теоретическими предпосылками исследования мобилизации права, подходами к изучению этого феномена (раздел 1.1), а также существующими эмпирическими исследованиями по данной теме и используемых в них индикаторах (раздел 1.2). Глава 2 посвящена эмпирическому анализу данных всероссийского виктимизационного опроса. Сначала дается характеристика виктимизационных опросов как источника данных для исследований и описываются используемые в работе данные RCVS (раздел 2.1). Затем полностью описывается методология исследования: используемые переменные, предварительная обработка данных и т.п. Здесь же выдвигаются формальные гипотезы (раздел 2.2). Наконец, приводятся результаты эмпирического анализа и дается их интерпретация (раздел 2.3). В заключении подводятся итоги работы.

Глава 1. Мобилизация права в теории и исследованиях

Глава 1 состоит из двух разделов. Первый раздел посвящен теоретической рамке исследования, в нем вводятся основные понятия, концептуальные различия и классификации. Второй раздел представляет собой обзор литературы, сконцентрированный на предыдущих исследованиях мобилизации уголовного права гражданами.

1.1. Теоретические аспекты мобилизации права

Общая концептуальная рамка настоящей работы – социологическая теория права Дональда Блэка. Работы Блэка предоставляют достаточно полное и продуманное описание связей между правом и обществом. Во всяком случае, в той мере, в которой этого требует настоящая работа. Проблема исследования – обращение в правоохранительные органы граждан, и реакция на это обращение – получает значимую долю внимания в работах Блэка, и занимает одно из центральных мест в его строгой теоретической модели. Элементы теории Блэка обладают высокой внутренней согласованностью, что делает её хорошим инструментом описания и обобщения реальности, а именно в формировании систематизированного взгляда на реальность и состоит задача теории. Блэк также формулирует конкретные гипотезы, которые прямо следуют из теории, что отражено в эмпирической части настоящей работы.

Заметим, что теория права Блэка является частным случаем «чистой социологии» (pure sociology) — эпистемологической и методологической парадигмы, в рамках которой реализован отказ от индивида как значимой социологической категории [Black, 1976: 7; 2000; 2002; Cooney, 2009]. Иначе говоря, там, где другие теории объясняют реальность через обращение к внутренним мотивам действий людей (пусть и с частым объяснением появления этих мотивов влиянием социума), чистая социология обращает внимание исключительно на социальную жизнь: социальное объясняется социальным. Хотя автор использует теорию Блэка как рамочную, тем не менее, необходимо сказать, что язык данной работы не всегда совпадает с исходными предпосылками парадигмы чистой социологии – в целом он более конвенционален.

Подход Блэка связан также и с методологическим подходом работы. Выводы, получаемые в ходе эмпирического исследования, должны быть сделаны исходя из эмпирически наблюдаемых действий людей там, где это возможно. Когда непосредственно наблюдать и фиксировать поведение людей невозможно (т.е. издержки на сбор подобных данных запретительно высоки), тогда следующий шаг – спросить у людей о фактах (с неизбежной для любого опросного метода оговоркой о том, что эти факты являются фактами лишь по словам людей): что происходило, что они видели, как они поступали, что

делали. В мировой социологической практике изучения преступности для подобной цели используются виктимизационные опросы. Лучшие данные для такого рода исследований в России на сегодняшний день – опрос RCVS (подробнее об этом в главе 2).

В связи с тем, что настоящее исследование фокусируется на перспективе респондентов опроса, сообщивших, что они стали жертвами преступлений, необходимо пояснение относительно языка данной работы. Термины, которые используются здесь, не должны восприниматься как юридические категории. Так, термин «преступник», который в юридическом языке имеет вполне однозначное значение (человек, признанный судом совершившим уголовное преступление), в социологии и криминологии используется для обозначения стороны, предположительно (по словам информанта) совершившей преступление. Когда мы так говорим, мы не имеем в виду, что преступление в уголовно-правовом смысле обязательно имело место, и тем более, что человек, названный преступником, однозначно может считаться таковым с юридической точки зрения. Синонимом для слова «преступник» можно считать слово «злоумышленник», хотя и здесь оно не отражает реальность в строгом смысле, поскольку нельзя достоверно установить наличие злого умысла. Итак, если в данной работе встречается понятие «преступник» или «злоумышленник», то оно означает человека, который, по словам респондента, нарушил её/его права.

Теория мобилизации права

Бытует мнение, что государственная машина правоприменения, состоящая из полиции, судов, прокуратуры и других органов, проявляет какую-либо активность в основном по собственной инициативе. Социология права утверждает, что это далеко не всегда так. Значимая часть правоприменительной деятельности государства зависит от его граждан, которые как минимум предоставляют ему актуальную информацию о потенциальных правонарушениях, а как максимум — используют его для достижения своих целей и решения конфликтов. Более того, внутри правовой системы также работают люди, которые активизируют её изнутри. Эти процессы, которые заставляют думать о правовой системе как о пассивной инфраструктуре, наполняемой человеческим действием, поддаются описанию с помощью концепции мобилизации права.

Мобилизация права — это термин классика социологии права Дональда Блэка, автора теории поведения права¹. Он обозначает процесс, посредством которого правовая система получает в своё распоряжение дела [Black, 1973]. Проще говоря, мобилизация

---

¹ Подробный разбор теории Блэка на русском представлен в статье Даниила Кузнецова: [Кузнецов, 2015].

права — это превращение жизненной ситуации в юридический кейс: например, судебный спор или уголовное дело. Социология права здесь выполняет свою базовую роль, обращая внимание на то, чем является право или закон на практике. Согласно концепции мобилизации права, правовая система не может функционировать, если силы общества регулярно не занимаются активацией её возможностей.

Дональд Блэк определяет право как государственный социальный контроль. Иначе говоря, «это нормативные отношения государства и его граждан, такие как законодательство, судебное состязание и урегулирование споров» [Блэк, 2014: 132]. Согласно теории Блэка, право — это количественная переменная, которую можно рассматривать как зависимую. Изменения, происходящие с правом в связи с влиянием независимых переменных (пяти аспектов социальной жизни), выражаются в увеличении или уменьшении его количества — поведении права². Например, обращение в суд означает больше права, чем решение спора внесудебными способами (другие примеры: [Black, 1976: 3]).

В целом Блэк говорит о поведении разных аспектов социальной жизни, одним из которых и является право³. Также Блэк выделяет пять измерений социального пространства, репрезентирующих аспекты социальной жизни, от которых зависит поведение права. Вертикальное измерение (стратификация) отсылает к разнице в благосостоянии. Горизонтальное (морфология) — к межличностным отношениям. Корпоративное (организация) — к коллективным действиям. Символическое (культура) — к идеям и ценностям. Нормативное (альтернативный социальный контроль) — к запретам и санкциям за исключением предусмотренных правом.

---

² В понятие поведения права входят также четыре стиля права, каждый из которых по-своему реагирует на девиантное поведение. Карательный стиль права наказывает нарушителя, компенсаторный принуждает его к компенсации вреда, терапевтический помогает ему исправиться, а примиренческий стремится к исчерпанию конфликта. Каждый стиль, как и право само по себе, может присутствовать в ситуации в большем или меньшем количестве [Black, 1976: 4–6].

³ Следует указать на проблематичность конвенционального употребления вариантов перевода английского law в дискуссии о теории Блэка на русском. Часто употребляется «закон» в случае с поведением закона (behavior of law), но «право» в случае с мобилизацией права (mobilization of law). К примеру: «Тезис о мобилизации права и закономерностях “поведения закона” побудил социологов...» [Волков, 2017: 37]; см. также: [Блэк, 2014]. В настоящей работе в обоих случаях используется слово «право», что сделано с осознанием дискуссионности такого перевода (см.: [Кузнецов, 2015: 34–35]). Однако такой перевод кажется приемлемым решением хотя бы в рамках этой диссертации, поскольку она посвящена именно мобилизации права, а этот термин достаточно устойчиво переводится именно таким образом.

При этом связь, которая образуется между зависимой переменной (количеством права) и влияющими на неё факторами (измерениями социального пространства), не должна рассматриваться как нечто само собой разумеющееся. Влияние факторов, изменяющих количество права, опосредовано мобилизацией права. Этот термин Блэк вводит для обозначения процесса, посредством которого правовая машина приводится в действие. Выражая некоторые сомнения в правильности выбора слова для обозначения этого процесса, Блэк указывает на то, что трудность с подбором термина отражает ситуацию недостаточной изученности феномена мобилизации — посредника между правом и людьми [Black, 1973: 126]. Таким образом, право ведёт себя не само по себе, а его поведение является производным от деятельности по мобилизации права, осуществляемой различными акторами. Мобилизация права — то, что определяет поведение права.

Спрос на право (сочетание возможности и желания, т.е. готовность «активировать правовой процесс» [Black, 1973: 127]) со стороны граждан предполагает и наличие предложения права (готовности удовлетворить спрос на право) со стороны государства. Таким образом, мобилизация права — двусторонний процесс. Блэк, с одной стороны, говорит о реактивной мобилизации, осуществляемой через действия граждан, обращающихся к государственным органам, затем реагирующим на эти обращения. С другой стороны, речь идёт о проактивной мобилизации, которая осуществляется через инициативные действия государственных служащих, производимые в отсутствие предшествовавших им и повлёкших их обращений граждан [Black, 1973: 128]. Этот тип можно признать близким к общей социолого-правовой традиции изучения спроса на право, доступности права для граждан и равенства перед законом.

Разделение на реактивную и проактивную мобилизацию дополняется необходимостью разделения на мобилизацию частного и публичного права, которые происходят по-разному. Частное право предполагает отношения между гражданами, поэтому можно сказать, что для него характерна реактивная мобилизация, в то время как публичное право может подвергаться мобилизации как проактивно, так и реактивно [Black, 1973: 129], например, при сообщении о преступлении в полицию.

Таким образом, главная идея довольно проста. Правовая система не способна функционировать без людей, мобилизующих её функции. Социальные характеристики этих людей влияют на их поведение и поведение их контрагентов, а всё вместе это влияет на поведение права.

Блэк также описывает некоторые составляющие правовых систем, находящиеся в связке с характером мобилизации права. Таких аспекта правовых систем четыре. Во-первых, под концептом *legal intelligence* Блэк понимает объём сведений о нарушениях

закона, имеющийся у правовой системы в конкретной юрисдикции [Black, 1973: 130]. Этот объём сведений зависит от специфики мобилизации права, и как минимум определяется тем, является ли более распространённой реактивная мобилизация, или же проактивная. В первом случае ответственность за оперативную информацию о правонарушениях и, следовательно, за потенциальную возможность их устранения лежит на гражданах, во втором случае — на государстве (впрочем, тоже на гражданах, с тем уточнением, что в этом случае они находятся на государственной службе).

Во-вторых, доступность права (*availability of law*) для граждан влияет на характер и объёмы его мобилизации с их стороны [Black, 1973: 137]. В понятие доступности права входят те ожидаемые издержки (к примеру, оплата адвоката), которые гражданин понесёт при обращении к праву. Так, известно, что слишком высокие издержки легальной деятельности ведут к росту внезаконных отношений [De Soto, 1988]. Другой причиной, способной повысить издержки мобилизации права, является подверженность гражданина влиянию социальных норм, поощряющих решение конфликтов незаконными методами, например, порицающих «стукачество» [Black, 1973: 140; Rosenfeld, Jacobs, Wright, 2003]. Таким образом, нормы незаконного заключения контрактов и разрешения споров могут являться как следствием запретительных барьеров для использования правовых норм, так и причиной отказа от использования права в первую очередь.

В-третьих, с мобилизацией права связана организация дискреции (*organization of discretion*). Дискреция (т.е. свобода в принятии решений по собственному усмотрению), которой обладают государственные правоприменители в отношении квалификации явлений реальности, иногда настолько широка, что приходится говорить о том, что решение принимается человеком почти произвольно, и в некотором отрыве от писаного закона [Black, 1973: 141–142]. При этом ясно, что дискреция в принятии решений актуальна не только для полицейского или судьи, но и тогда, когда имеет место выбор гражданина: интерпретировать ли увиденное или испытанное как нарушение прав, осознавать ли причинённый ущерб, сообщать в государственные органы или нет [Фелстинер, Абель, Сарат, 2015].

В-четвёртых, Блэк говорит о правовых изменениях (*legal change*). Имеются в виду диахронические сдвиги в паттернах мобилизации права, которые влияют на нагрузку правовой системы. За проактивной мобилизацией видится некий единый источник планируемых изменений в правоприменительной практике, а за реактивной — децентрализованный источник изменений, по аналогии с невидимой рукой рынка [Black, 1973: 146].

Подходы к исследованию мобилизации права

Теория мобилизации права направлена на то, чтобы объяснить вполне определённый феномен социальной жизни. Однако ясно, что сам феномен обращения людей к правовым институтам может быть исследован и исследуется не только с использованием теории Блэка. Так, речь может идти о процессах, посредством которых человек осознаёт причинённый ему вред, а затем трансформирует это осознание (далеко не во всех случаях) в судебное разбирательство. Об этом классическая статья Уильяма Фелстинера, Ричарда Абея и Остина Сарата [Фелстинер, Абель, Сарат, 2015]. Очевидно, что с точки зрения концепции Блэка речь здесь идёт о феномене реактивной мобилизации права. Однако теоретические предпосылки авторов не согласуются с чистой социологией права Блэка (особенно там, где они ссылаются на психические состояния людей), а декларируемая ими методология является не количественной, а качественной.

Также существует термин «правовая мобилизация» (legal mobilization), который очень легко спутать с термином «мобилизация права» (mobilization of law), особенно в силу того, что Блэк сам использует эти варианты написания как синонимичные (см. напр.: [Black, 1973: 127–128, 148]). Понятие правовой мобилизации находится на стыке права и политологии [Zemans, 1983; Cummings, 2013]. По большому счёту речь идёт всё о том же феномене (он подпадает под определение Блэка), однако в фокусе внимания находятся случаи мобилизации права в конкретных контекстах, связанных с политической системой: системой распределения власти и принятия решений. К примеру, исследуется роль права как инструмента в руках активистов, выступающих за реформы, или влияние правовой мобилизации на достижение общественными движениями своих целей [Cummings, 2013]. Таким образом, существующие исследования феномена мобилизации права представляют собой неоднородное множество. Объект исследования, феномен «в реальности» один и тот же, но подходы учёных к нему могут быть очень разными.

Таким образом, исследования феномена мобилизации права различаются по следующим аспектам. Во-первых, разные источники данных и способы их анализа составляют разные исследовательские дизайны. Во-вторых, между ними есть типологическая разница: это может быть изучение реактивной или проактивной мобилизации права (или обоих типов в одном исследовании). В-третьих, можно выделить как минимум два разных подхода к эмпирическому изучению мобилизации права, вне зависимости от двух предыдущих различий. Эти подходы, впрочем, не всегда реализуются отдельно друг от друга. Автор предлагает обозначать их как подход «от действия» и подход «от результата». Разберём суть каждого из них на примере реактивной мобилизации права.

Оценивать реактивную мобилизацию права можно через учёт действий людей — таких, как звонки в полицию, подача исковых заявлений и т.п. Этот подход можно назвать подходом «от действия». Здесь речь идёт о ситуации выбора, в которой находится гражданин как потенциальный мобилизатор права: обратиться ли в суд для разрешения конфликтной ситуации, сообщить ли в полицию, став объектом противоправных действий, или не делать этого. Подход от действия позволяет производить выводы в отношении только одной стороны, или одной фазы мобилизации права. Это первая фаза, которая здесь отражает поведение граждан, направленное на сообщение о событии в государственные органы (reporting behavior): суд, полицию, «куда надо». По Блэку вероятность мобилизации права зависит от социального статуса вовлечённых в ситуацию акторов. Например, от благосостояния обратившегося в полицию человека, его включённости в общество, уровня культуры и других факторов. А также аналогичных переменных для, например, сотрудников полиции, с которыми этот человек взаимодействует, и/или обидчика, который был причиной обращения. Однако в первой фазе ничего не известно о степени успешности или результативности таких обращений. Эту результативность можно измерить через отклик, или реакцию правовой системы на инициативы граждан.

Второй подход, который учитывает не обращение, а реакцию на него, можно назвать подходом «от результата». Здесь мобилизация права предстаёт в своей второй фазе: во внимание принимается то, какие действия были предприняты со стороны представителей государства в ответ на полученный сигнал, т.е. насколько обращение было успешным. В соответствии с теорией Блэка, реакция правовой системы зависит, как и в случае с первой фазой мобилизации, от социальной структуры. Проще говоря, реакция полиции на обращение человека будет варьироваться в зависимости от его статуса (а также, допустим, статусов конкретных полицейских и/или статуса обидчика): от игнорирования и отказа от формальной фиксации события до принятия немедленных мер и формальной фиксации всех деталей. Таким образом, как реакция со стороны правовой системы является дифференцированной, так и первичные обращения со стороны граждан к праву как инструменту зависят от их социальных характеристик. Рассмотренные подходы наглядно представлены в табл. 1, где также приведены примеры наблюдаемых феноменов.

Таблица 1.

Наблюдаемые феномены в четырёх подходах к исследованию мобилизации права

Тип мобилизации	Подход от действия	Подход от результата
------------------------	---------------------------	-----------------------------

Реактивная	Звонок в полицию; обращение в суд	Качество реакции на звонок; успешность рассмотрения дела в суде
Проактивная	Выявление преступлений; требования гособвинителя в суде	Вероятность раскрытия преступлений; удовлетворение требований гособвинителя

Чтобы эмпирически учесть факт мобилизации права, необходимо каким-то образом операционализировать этот концепт. Как видно, это можно сделать четырьмя разными способами, которые представляют собой разные комбинации реактивной и проактивной мобилизации, с одной стороны, и подходов от действия и от результата — с другой. Каждый из четырёх способов обращается к определённой проблематике в сфере исследования правового поведения. Каждый из приведённых в качестве примера феноменов может быть изучен с помощью разных данных и методов, в качественной и количественной парадигме. Настоящая работа посвящена реактивной мобилизации права: делается попытка применить к ней оба подхода на российских количественных данных. Задача в том, чтобы выявить не только закономерности обращений в полицию (подход от действия), но и проследить их дальнейшую траекторию и оценить их успешность (подход от результата).

Сама теория Блэка вызвала ряд дискуссий, которые с самого начала были связаны с эмпирическими исследованиями. В 1979 году криминологи Готтфредсон и Хинделанг опубликовали первое полноценное тестирование утверждений Блэка о мобилизации права (в качестве зависимой переменной был использован процент обращений в полицию), где не подтвердились почти никакие гипотезы [Gottfredson, Hindelang, 1979a]. Из этого авторы делают вывод, что теория Блэка несостоятельна. Может показаться, что это достаточный повод для того, чтобы не относиться к теории Блэка серьёзно, по крайней мере, в отношении тех данных, на которых она не работает. Однако на эту ситуацию можно посмотреть и с другой стороны, если предположить, что теория не может «не работать», но способна указать на недостаточность или несовместимость имеющихся данных. Иными словами, проблема может находиться не в теории, а в контексте её применения – ограничений используемых данных и методов их анализа. «Сложность социальной жизни никаким образом не лишает силы теорию; скорее, теория нуждается в более продуманных методологических инструментах и измерительных стратегиях для обеспечения уверенности в том, что она может быть оценена должным образом» [Michalski, 2014: 4].

На работу Готтфредсона и Хинделанга последовала критика со стороны Блэка. Он критикует её как раз с точки зрения несоответствия между тем, что на самом деле было

исследовано, и тем, что заложено в теории [Black, 1979]. Тип данных и операционализация влияют на то, какие результаты будут получены и какие выводы будут сделаны. Авторы исследования приходят к тому, что тяжесть преступления лучше объясняет вариации количества права, чем социальная структура, однако, по мнению Блэка, оказываются в плену тавтологии, поскольку на определение того, что информанты считают преступлением, как раз и влияет социальная структура, как это предсказывает теория [Black, 1979: 21]. Позже другие авторы отметят, что исследование Готтфредсона и Хинделанга является слабым (устаревшим) с методологической точки зрения: в качестве основного метода работы с данными используются двумерные таблицы сопряженности, что не позволяет учитывать совместное влияние множества предикторов [Avakame, Fyfe, McCoу, 1999: 772]. Более адекватным методом является регрессионный анализ, используемый в большинстве более поздних статей, посвящённых феномену (не)обращения в полицию.

Ответ на критику Блэка не заставил долго ждать [Gottfredson, Hindelang, 1979b]; скорость и накал дискуссии чувствуется, поскольку все три статьи опубликованы в одном выпуске журнала. Далее следует ряд публикаций этих и других авторов, высказывающихся за и против теории. Споры между сторонниками и противниками подхода чистой социологии возникают и по прошествии лет, примером чего является дискуссия на страницах журнала *The Sociological Quarterly* в 2008 году [Marshall, 2008; Michalski, 2008]. По оптимистичным оценкам Йозефа Михальски теория права Блэка находит прочное эмпирическое подтверждение в исследовании с вероятностью 71,1% (исключены работы учеников Блэка) [Michalski, 2008: 261].

Важно подчеркнуть, что в данном случае главный источник критических замечаний в сторону теории Блэка – конвенциональные на конец прошлого века (и во многом до сих пор) теоретические подходы количественной криминологии, представители которой занимаются в том числе проблематикой реактивной мобилизации права. В частности, исследованиями закономерностей обращений в правоохранительные органы – того, что называется *reporting behavior*.

Не будем подробно останавливаться на подходе количественной криминологии, отметим лишь, что здесь одной из основных теорий, объясняющих мобилизацию права, является теория рационального выбора. В основном она объясняет мобилизацию права взвешиванием выгод и издержек гражданином перед принятием решения. Поэтому основное ожидание теории по отношению к данным – это связь мобилизации права с тяжестью (серьезностью) преступления. Согласно этой точке зрения, при повышении издержек от преступления имеет больший смысл добиваться их восполнения через

правовую систему, из-за чего люди готовы обращаться к правоохранителям [Gottfredson, Hindelang, 1979a; Gottfredson, Gottfredson, 1988; Felson et al., 2002; Zaykowski, 2015].

1.2. Обзор литературы

Этот раздел представляет собой обзор литературы по проблематике реактивной мобилизации уголовного права гражданами. Акцент в разделе ставится на исследованиях, тестирующих теорию Дональда Блэка, т.к. с ней связаны основные гипотезы диссертации (H2, H3 – см. раздел 2.2). В частности, автор выявил 27 статей в научных журналах, которые тестируют теорию права Блэка, и авторы которых эксплицитно об этом сообщают, опубликованных в период с 1979 по 2017 год. Из них были выбраны 11 на основании ряда критериев. Сначала были исключены статьи, которые тестировали теорию Блэка только на макроуровне с использованием соответствующих данных. Например, Вонг использует в качестве предикторов раскрываемости преступлений социально-экономические параметры канадских муниципалитетов [Wong, 2010]. Далее были исключены те статьи, в которых основной зависимой переменной является не право, а другой тип социального контроля: например, применение насилия из соображений мести [Phillips, 2001]. Затем из оставшихся статей были исключены те, в которых речь шла скорее о проактивной мобилизации права и приросте права на стадии вынесения судебного решения, поскольку предметом интереса в настоящей работе является мобилизация права со стороны граждан, проявление спроса на право, а также успешность реактивной мобилизации. В итоге было получено 11 статей с количественными исследованиями реактивной мобилизации права, составивших основную часть обзора литературы [Gottfredson, Hindelang, 1979a; Braithwaite, Biles, 1980; Doyle, Luckenbill, 1991; Avakame, Fyfe, McCoy, 1999; Copes et al., 2001; Holtfreter, 2008; Clay-Warner, McMahon-Howard, 2009; Kuo et al., 2012; Xie, Lauritsen, 2012; Graham, Borg, Miller, 2013; Golladay, 2017]⁴. Особое внимание в обзоре литературы уделено рассмотрению операционализации и эмпирических индикаторов, которые используются в исследованиях. В конце обзора литературы приводятся эмпирические индикаторы тяжести преступления, принятые в исследованиях обращений в полицию в количественной криминологии, на основе которых в работе сформулирована гипотеза H1.

---

⁴ Заметим, что лишь немногие авторы, проверяющие теорию Блэка, ссылаются на оригинальную статью Блэка [Black, 1973], где вводится и подробно описывается концепция мобилизации права. В основном авторы ссылаются только на *opus magnum* о поведении права [Black, 1976], не содержащий прицельного разбора процесса мобилизации. Впрочем, это не удивляет, т.к. концепция мобилизации права в итоге оказалась встроена в общую теорию: право в принципе не может функционировать без мобилизации.

Тестирования теории Блэка

Можно было ожидать, что среди исследований мобилизации права найдётся значимое количество примеров подхода от результата. Однако результативность, или успешность мобилизации права учитывается в сравнительно небольшом количестве работ. Примером применения такого подхода может быть статья [Avakame, Fyfe, McCoy, 1999], где оценивается вероятность сообщения в полицию об изнасиловании или нападении, а также реакции полиции на это сообщение в виде ареста подозреваемого. Предполагается, что успешная мобилизация права будет связана с арестом. Для этого дизайна важно, чтобы у полиции была принципиальная возможность найти нападавшего, иначе будет перекош в сторону отсутствия ареста просто из-за того, что человека не смогли найти, поэтому рассматриваются только случаи, когда жертва была знакома с нападавшим.

Многие статьи, изучающие обращение в полицию, в качестве источника данных используют американский виктимизационный опрос⁵. (National Crime Victimization Survey, NCVS), и статья Авакаме и коллег в том числе. Те статьи, которые не используют его, написаны на основе других виктимизационных опросов или их близких аналогов. Важно заметить, что разница между статьями зачастую состоит в видах анализируемых преступлений, хотя и тут существует некоторый консенсус, опосредованный доступными опросными данными: часто это нападение (assault), грабеж (robbery), кража (theft; larceny), а также нередко изнасилование (rape).

На данных NCVS также описаны предсказания сообщений об изнасилованиях [Clay-Warner, McMahon-Howard, 2009] и о разбойных нападениях [Xie, Lauritsen, 2012]. Данные другого опроса в девяти районах Чикаго позволили проследить, что влияет на сообщение в полицию и иные госорганы о 10 видах нарушения общественного порядка [Doyle, Luckenbill, 1991]. Проверка теории Блэка в отношении сообщений о нападениях, грабежах и кражах на данных Taiwan Areas Criminal Victimization Survey дала смешанные результаты [Kuo et al., 2012]. Исследование, использующее национальный репрезентативный опрос 1988 года в Бразилии для предсказания сообщений в полицию о краже или ограблении,

---

⁵ Поясним, что виктимизационный опрос (или обследование виктимизации) — это тип опроса, который призван выявить преступность, не фиксируемую официальной полицейской статистикой. Название происходит от английского слова victim, т.е. жертва. Информантам задаются вопросы, направленные на выявление виктимного опыта, т.е. опыта становления жертвой преступления, а также всех сопутствующих этому опыту обстоятельств. В частности, задаётся вопрос о том, обращалась ли жертва преступления в полицию. Так удаётся учесть те преступления, которые по каким-то причинам не дошли до сведения правоохранителей. Подробнее о виктимизационных опросах см. в разделе этой работы, посвященном эмпирическим данным.

подтверждает теоретические предпосылки Блэка и говорит в пользу универсальности теории, т.е. её способности объяснять поведение права в незападных обществах [Graham, Borg, Miller, 2013].

Отдельно стоит упомянуть исследования на виктимизационных данных, где взят другой тип преступлений — экономические. Мошенничество (fraud) исследуется в одной из статей [Copes et al., 2001] с помощью построения трёх моделей: со всеми случаями, только с законченными преступлениями, и только с попытками. Кража персональных данных (identity theft) изучается в другой статье [Golladay, 2017], где каждый из адресатов, которому было сообщено о преступлении, кодируется отдельной переменной: сообщение может быть сделано в банк, в правоохранительные органы, в кредитное бюро. Есть не менее интересный случай, когда в качестве субъекта мобилизации права выступает не обычный гражданин, а фирма [Holtfreter, 2008]. Здесь речь идёт о мошенничестве со стороны подчинённых на рабочем месте (employee fraud) и используются данные опроса 663 специалистов по расследованию мошенничества, работающих в разных сферах. Специалисты ответили на вопросы по поводу последнего расследованного ими дела, на основании чего и был проведён анализ.

Эмпирические индикаторы

Рассмотрим далее эмпирические индикаторы социальной структуры и других факторов, влияющих на мобилизацию права в существующих исследованиях.

Стратификация. Согласно Блэку, стратификация представляет собой вертикальное измерение социального пространства, это «вертикальный аспект социальной жизни» [Black, 1976: 11]. Она отображает существующее неравенство в распределении материальных ресурсов, их аналогов или средств их получения, например, таких, как деньги. Влияние вертикального измерения предполагает, что «право изменяется прямо пропорционально стратификации» [Блэк, 2014: 142].

Блэк определяет каждое из измерений довольно широко, что делает его теорию пригодной для анализа любых обществ. Официальный месячный доход участников судебного разбирательства может быть использован в качестве индикатора их места в социальной стратификации, однако ясно, что здесь подходит не просто любой тип капитала, а в принципе любой показатель, который в заданном обществе является значимым признаком социально-экономического положения. Блэк пишет, что механизмы распределения благосостояния различаются, так что его индикаторы в разных контекстах могут быть разными, от возраста и принадлежности к определённому роду до вида занятости [Black, 1976: 11–12].

В силу того, что многие статьи, проверяющие теорию Блэка о мобилизации права, используют данные NCVS, переменные, используемые для индикации вертикального статуса, очень похожи. Почти везде для этого используют показатель дохода [Gottfredson, Hindelang, 1979a; Braithwaite, Biles, 1980; Doyle, Luckenbill, 1991; Avakame, Fyfe, McCoy, 1999; Copes et al., 2001; Clay-Warner, McMahon-Howard, 2009; Kuo et al., 2012; Graham, Borg, Miller, 2013; Golladay, 2017]. Во всех статьях, кроме трёх [Gottfredson, Hindelang, 1979a; Braithwaite, Biles, 1980; Doyle, Luckenbill, 1991], как показатель вертикального статуса используется возраст. Во многих статьях как индикатор места в социальной стратификации используется раса, но одна статья специально посвящена только этому фактору [Хие, Lauritsen, 2012]. Пол в связи со стратификацией используется в большинстве статей, что является ошибкой операционализации: концепт пола включает в себя разные социальные параметры, по некоторым из которых женщины стоят выше мужчин, и ошибочно предполагать, что статус мужчины выше в любой ситуации [Cooney, 2002: 659].

Морфология — горизонтальное измерение социального пространства [Black, 1976: 37–59]. Она может быть выражена, с одной стороны, вовлечённостью человека в социальный мир: чем больше человек интегрирован в общество, тем больше права появляется в ситуациях с его участием при прочих равных условиях. С другой стороны, она выражается через межличностные отношения, а именно степень близости людей друг к другу (например, жертвы и обидчика). Здесь количество права возрастает с увеличением дистанции между людьми, однако в то же время, когда дистанция становится слишком большой, то количество права стремится к нулю — зависимость нелинейная. Конфликт между близкими людьми скорее решится внезаконно, а между незнакомыми — с помощью правовых механизмов.

Работающие и состоящие в браке люди считаются более интегрированными в общественную жизнь. Так, для измерения интеграции могут использоваться переменные занятости и брачного статуса [Gottfredson, Hindelang, 1979a; Graham, Borg, Miller, 2013]. В отдельных исследованиях это также может быть лишь брачный статус [Kuo et al., 2012]. Также к занятости и браку могут быть добавлены другие переменные, например частота общения с соседями [Doyle, Luckenbill, 1991]. Там, где исследуются работники, нарушившие права организации, как индикатор морфологии используется нахождение на управленческой должности [Holtfreter, 2008]. Это хороший пример того, как концепт операционализируется исключительно с опорой на контекст исследования, а не на какие-либо априори точные эмпирические индикаторы. Некорректным шагом здесь было бы использование лишь традиционных индикаторов вроде брачного статуса.

Относительная дистанция между жертвой и преступником в одном исследовании измеряется по шкале от члена семьи до незнакомца [Braithwaite, Biles, 1980]. С этой же целью учитывают, был нападавший интимным партнёром жертвы или нет [Avakame, Fyfe, McCoу, 1999]. В исследовании по данным об изнасилованиях эта дистанция измеряется через кодирование по шкале 1–5 от партнёра до незнакомца (также берётся брачный статус и наличие работы) [Clay-Warner, McMahon-Howard, 2009]. Ещё два исследования учитывают то, был ли преступник знаком жертве, а также брак [Copes et al., 2001; Golladay, 2017].

Культура — символическое измерение социального пространства, у которого есть два основных аспекта. Первый аспект — это понимаемое широко количество культуры (выраженное, например, как количество потенциальных или реализованных идей), которое варьируется прямо пропорционально количеству права [Black, 1976: 61]. Второй аспект — это конвенциональность. Согласно Блэку, право изменяется прямо пропорционально конвенциональности, т.е. близости к мейнстриму внутри измерения культуры. Конвенциональность — своего рода культурный статус, у разных людей он разный. В качестве примеров для измерения конвенциональности Блэк приводит религию (католик более конвенционален, чем иудей, поскольку католиков в данном обществе больше), привычки (алкоголь или табак конвенциональнее, чем кокаин) и политические взгляды (демократ более конвенционален, чем коммунист) [Black, 1976: 68].

Все рассматриваемые здесь статьи используют в качестве индикатора культуры уровень образования информанта. К этому может добавляться оценка конвенциональности с помощью использования прямого вопроса о принадлежности к какой-либо религии [Graham, Borg, Miller, 2013]. Иногда в качестве индикатора культуры используют брачный статус и трудовой статус жертвы преступления [Avakame, Fyfe, McCoу, 1999], хотя в общем случае эти индикаторы относят к морфологии.

Организация — корпоративное измерение социального пространства, которое выражает «способность к коллективному действию» [Black, 1976: 85], в основном предполагающему централизацию принятия решений, объединение многих единиц принятия решения в одну (классический пример — фирма). Право изменяется прямо пропорционально организации [Black, 1976: 86]. Блэк утверждает, что одна группа людей может быть более организована, чем другая, и один человек может быть более организован, чем другой, что можно измерить с помощью подсчёта его членств в различных группах. Например, некоторые авторы измеряют это через членство жертвы в общественных организациях [Graham, Borg, Miller, 2013]. Также Блэк делает контринтуитивное предположение, что любая группа более организована по определению, чем один человек

[Black, 1976: 86]. Возможно, сам термин «группа» уже предполагает организованность, а, например, два незнакомых и неорганизованных человека, просто оказавшиеся вместе в какой-то ситуации, не будут являться группой, что сможет объяснить их неспособность к коллективному действию, в то время как один человек не должен ничего ни с кем согласовывать, и является одной единицей принятия решений, априори централизованной.

В первом тестировании теории Блэка [Gottfredson, Hindelang, 1979a] показано, что процент обращений в полицию в связи с ограблениями среди индивидов ниже, чем среди бизнесов. Следующее исследование учитывает число нападавших [Braithwaite, Biles, 1980]. В другом исследовании учитывается членство жертв в местной организации или клубе [Doyle, Luckenbill, 1991]. Как показатель большей организованности может использоваться коммерческая локация (напр., офис), на территории которой произошло преступление [Avakame, Fyfe, McCoy, 1999]. Организацией в одной из статей считается факт обсуждения своего случая с другими людьми, а также число посещений церкви за последние две недели и волонтерство (community service) [Copes et al., 2001]. Для жертв-фирм в исследовании мошенничества на рабочем месте индикатором организации является сектор экономики, в котором работает фирма (государственный или частный), а также число работников в фирме [Holtfreter, 2008]. В статье об изнасилованиях используется переменная, которая учитывает, что было больше одного нападавшего [Clay-Warner, McMahon-Howard, 2009].

Альтернативный социальный контроль. Право по Блэку является одним из типов социального контроля — государственным. Существует и негосударственный, или альтернативный социальный контроль. Право меняется обратно пропорционально альтернативному социальному контролю [Black, 1976: 105–121]. Здесь аппроксимирующими индикаторами социального контроля обычно выбирают время дня и локацию или местность, ориентируясь на примеры, приводимые самим Блэком.

Что касается локации, то она может учитываться как место жительства жертвы (город; сельская местность) [Gottfredson, Hindelang, 1979a; Graham, Borg, Miller, 2013], либо как место происшествия (дом жертвы; общественное помещение; коммерческое помещение; офис или производство; рядом с домом; на улице; в школе; другое) [Gottfredson, Hindelang, 1979a]. Также возможна более простая дифференциация: внутри здания или снаружи [Avakame, Fyfe, McCoy, 1999], либо частная локация или общественная [Clay-Warner, McMahon-Howard, 2009; Kuo et al., 2012].

Время дня используется, как правило, как переменная с двумя значениями: светлое и тёмное время суток. Однако в одном случае [Gottfredson, Hindelang, 1979a], помимо дневного времени, используется разделение на ночь и вечер, т.е. варианта три: день; с 6 до 12 вечера; с 0 до 6 ночи. Встречается и использование четырёх временных промежутков

вместе с двумя вариантами, в которых известно только время суток, но не конкретное время [Braithwaite, Biles, 1980]. В остальных исследованиях, где использовался параметр времени, значения два: для тёмного и светлого времени суток [Avakame, Fyfe, McCoy, 1999; Clay-Warner, McMahon-Howard, 2009; Kuo et al., 2012].

В случае с мошенничеством работников социальный контроль был операционализирован применительно к среде фирмы. Это сделано через такие переменные как наличие практики анонимных сообщений о мошенничестве, наличие внутренних аудитов, наличие внешних аудитов, а также проверка прошлого сотрудников [Holtfreter, 2008].

В другом исследовании социальный контроль операционализировался с помощью переменной, которая определяет, пытались ли решить проблему внезаконным способом. Авторы сами предполагают, что это не очень удачный ход: если уже известно, что люди пытались решить конфликт незаконно, значит, у них это не получилось, и поэтому они обратились к праву [Doyle, Luckenbill, 1991: 112–113], что делает данную измерительную тактику тавтологичной.

Осознание этой проблемы с операционализацией не заставило авторов изменить своё исследование, они оставили переменную, зная, что результаты будут искажены. Этот случай — хорошая иллюстрация к работе Михальски [Michalski, 2017], где на основе анализа эмпирических проверок теории Блэка сделан вывод, что результаты, не согласующиеся с теорией, будут с большей вероятностью получены авторами, которые имеют большую социальную дистанцию относительно адептов теории и учеников Блэка. Иными словами, Михальски говорит, что эмпирическое подтверждение теории — это количественная переменная, и она изменяется обратно пропорционально социальной дистанции между автором конкретного исследования и Дональдом Блэком.

Чтобы закрепить мысль о соотношении теории и эмпирики при тестировании утверждений Блэка, рассмотрим пример, гласящий, что права больше ночью, чем днём [Black, 1976: 110]. Он не означает, что при любых обстоятельствах права непременно больше ночью, чем днём. Это утверждение является условным. За ним стоит теоретическая конструкция, согласно которой количество права обратно пропорционально количеству внеправового социального контроля. Следовательно, утверждение «права больше ночью, чем днём» будет верным только при условии, что в заданном обществе в ночное время действительно меньше внеправового социального контроля. Это, в свою очередь, требует от общества как минимум разделения на ночное и дневное время — не столько в смысле естественных явлений, таких как восход и закат солнца, сколько в смысле наличия соответствующей нормы, включённой в работу социального института времени. Более

того, из антропологических исследований известно об обществах с совершенно иным устройством социального института времени, чем то, к которому привык автор данного текста и, скорее всего, его читатель.

В конце концов, взаимодействия между людьми происходят и в таких средах, где разделение на ночное и дневное время в обычном понимании отсутствует: полярный день и полярная ночь — это метафоры, которые длятся месяцами. Предполагает ли теория Блэка, что во время полярной ночи права больше, чем во время полярного дня? Ясно, что из теоретического утверждения о связи права и внеправового социального контроля этого не следует. Ясно и то, что заданный вопрос не вполне корректен по отношению к теории, ведь он эмпирический, и должен быть задан к данным. Итак, если мы проведём исследование и выясним, что в каком-то обществе права больше днём, чем ночью (а не наоборот), то мы можем заявить, что это либо (1) опровергает теорию, либо (2) говорит о том, что в данном обществе днём меньше внезаконного социального контроля, чем ночью, в отличие от изначального предположения об обратном, что не противоречит теории. Представляется, что с равной степенью уверенности можно поддерживать обе версии. Однако, концентрируясь лишь на первой версии и не принимая во внимание вторую, можно упустить из виду то, что теория на самом деле сохранила объяснительную способность и не обязательно была опровергнута.

В большинстве рассмотренных исследований в качестве контрольных также использовались переменные, отвечающие за тяжесть, или серьезность преступления. В целом в исследованиях обращений в полицию в количественной криминологии такими переменными обычно является сумма ущерба от преступления, факт и/или степень применения физического насилия, использование оружия и количество обидчиков [Berg, Rogers, 2017: 454], см например: [Reyns, Randa, 2017; Slocum, 2017].

Избранный в настоящем исследовании подход к исследованию мобилизации права главным образом опирается на теорию Блэка, однако дополнительно опирается на объяснение тяжести преступления, принятое в количественной криминологии. Далее, в главе 2, с помощью данных российского виктимизационного опроса предпринимается попытка выстроить траекторию мобилизации права, состоящую из пяти стадий. При этом ключевой для анализа стадией является первая — обращение гражданина в правоохранительные органы. Основное предположение состоит в том, что на каждой из стадий обнаружатся связи между социальной структурой, характеристиками преступления (в частности, тяжестью) и вероятностью мобилизации права.

Глава 2. Эмпирический анализ данных о мобилизации права в России

Основное предположение данного исследования заключается в том, что решение об обращении в правоохранительные органы по поводу произошедшего инцидента связано с различными параметрами, в том числе параметрами социальной структуры. Среди факторов, которые могут влиять на решение обратиться в органы – социально-демографические характеристики жертвы, ситуационные характеристики происшествия, степень серьезности (тяжести) происшествия. Также предполагается, что степень успешности обращения в органы будет продолжать зависеть от каких-то из этих характеристик. Таким образом, работа направлена на количественную оценку мобилизации уголовного права и её успешности в России с помощью основного эмпирического материала – всероссийского опроса жертв преступлений. Эта глава сначала повествует об используемых в работе данных, затем о методологии анализа, и, наконец, представляет результаты анализа данных и их авторскую интерпретацию.

2.1. Данные

В настоящем исследовании используются данные первого и пока что единственного в России масштабного репрезентативного опроса жертв преступлений. Основная задача данного раздела – описание методики и данных этого опроса. Перед этим в контексте понятия латентной преступности дается общая характеристика виктимизационных опросов, приводится информация о существующих мировых практиках их проведения, а также о ситуации с виктимизационными опросами в России.

Виктимизационные опросы как источник данных

Виктимизационный опрос – это опрос, специально разработанный для респондентов, имеющих виктимный опыт, то есть опыт становления жертвой преступления. Большую роль в проведении таких опросов играет экспертное знание социологии и криминологии. Изначально виктимизационные опросы призваны решить проблему оценки объема преступности, выступив более приближенным к реальности источником данных, в сравнении с официальной государственной статистикой. На сегодняшний день они представляют собой весьма богатые данные, позволяющие исследовать самые различные проблемы в сфере преступности и виктимизации.

Вопрос о количественной и качественной оценке преступности нетривиален. Казалось бы, структура и характер преступности известны полиции благодаря тем данным, которые собираются в процессе правоприменительной деятельности. Однако во всём мире статистические данные о преступности, собираемые полицейскими ведомствами, с

неизбежностью содержат информацию лишь о тех преступлениях, которые удалось зафиксировать. Известно, что в действительности часть преступлений остаётся по различным причинам не доведенной до сведения правоохранительных органов.

В отечественной криминологии неучтенную официальной статистикой преступность принято описывать с помощью концепции латентной преступности. В западной криминологии неучтенная преступность обозначается понятием *dark figure of crime*. Латентная преступность определяется С. М. Иншаковым как «незарегистрированная государственными органами часть фактической преступности (незарегистрированная часть всей совокупности преступлений, совершаемых в обществе)» [Иншаков, 2009: 110]. Есть два типа латентности: естественная и искусственная латентность. Естественная латентность означает те события, сведения о которых не дошли до правоохранительных органов по естественным причинам – т.е. граждане просто не стали сообщать о них. Искусственная латентность отсылает к тем событиям, о которых правоохранители узнали, но которые по какой-то причине не зарегистрировали, не превратили в юридический факт. В западной криминологии естественной латентности соответствует понятие *unreported crime*, а искусственной латентности – *unrecorded crime* [Catalano, 2006].

Строго говоря, в юридической логике считать деяние преступлением, а лицо, его совершившее, преступником, можно только тогда, когда его вина доказана: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания»⁶. Понятие преступления – юридическое, но оно, как и ряд других юридических понятий, используется в обычной разговорной речи. Также оно является ключевым и в дискурсе о борьбе с преступностью, который присутствует в том числе в научных источниках. Имеет смысл выделить два способа говорения о преступности и её понимания. Мы либо считаем, что есть объективная преступность, которая не доходит до правоохранительных органов, либо называем преступлениями лишь те события, которые начинают считаться таковыми государством в лице правоохранительных органов. По этому поводу есть известный в критической криминологии тезис Нильса Кристи: «Преступления не существует, пока специалисты – производители смыслов – не придадут данному поступку соответствующее значение» [Кристи, 2006: 20].

Можно заметить, что в обоих криминологических традициях, как отечественной, так и западной, само понятие неучтенной преступности несёт в себе полицейскую логику

---

⁶ Статья 14 УК РФ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/43b57d6c014e99070854acf76d1627ac9a184239. Дата обращения: 20.05.2019.

борьбы с преступностью: предполагается, что преступности на самом деле больше, чем мы знаем, и задача состоит именно в обнаружении объективно существующей части преступности, скрытой от глаз. Так, сделав доклад о методологии виктимизационных опросов в одном из ведомственных вузов МВД, автор данной работы наиболее часто получал вопросы именно о том, как подобные исследования смогут помочь снижению уровня преступности, или, по крайней мере, уменьшению её латентности. (Надо сказать, что исследования на данных виктимизационных опросов, конечно, содержат ответы на эти вопросы, но никоим образом ими не ограничиваются и к ответу на них не сводятся.)

С точки зрения социологии права, напротив, такое явление как «неучтенная преступность» существовать не может по определению, поскольку преступность конструируется правоохранительными органами. В этом смысле до тех пор, пока деяние не вызвало внимание со стороны уголовной юстиции, и не было квалифицировано как преступное, преступлением оно не является (с юридической точки зрения, как сказано выше, для квалификации требуется еще и виновность). Согласно Д. Блэку, любая девиация, в том числе преступность, определяется через социальный контроль. Если конкретное действие вызывает ответ в виде социального контроля, то его можно считать девиантным [Black, 1976]. Это важно – если какое-то деяние не попало в поле зрения правоохранителей, то его субъект не понесет наказание со стороны правовой системы. Но полностью аналогичное деяние, попавшее в поле зрения правоохранителей, будет иметь последствием государственный социальный контроль, наказание. Здесь социология права обращает внимание на то, что сама вероятность попадания одного и того же деяния в поле зрения правоохранителей варьируется в зависимости от внезаконных параметров. Это различие в словоупотреблении, но оно показывает разные эпистемологические взгляды на то, чем являются события, не прошедшие юридическую квалификацию, но где таковая потенциально могла бы произвести вывод о наличии состава преступления.

Вернемся к проблеме оценки латентной преступности. Одним из основных методов исследования латентной преступности С. М. Иншаков называет именно метод опроса жертв преступлений, также называемый виктимизационным опросом или выборочным обследованием виктимизации [Иншаков, 2009: 115–116]. Для методологически корректного проведения любых опросов требуется специальное внимание к операционализации ключевых понятий. Операционализация – это процесс «перевода» понятий с «языка» исследователя на «язык» респондента. Схему операционализации как перехода от теоретических концептов к эмпирическим категориям хорошо описывает Геннадий Батыгин: «При переходе с концептуального уровня на операциональный, как правило, возникает рассогласование между концептуальными и операциональными

определениями. <...> целесообразно “сформатировать” проблему перехода от концептуальных определений к операциональным в виде методического комплекса, где каждому понятию соответствуют переменная и операциональное определение» [Батыгин, 1995: 57]. В случае виктимизационных опросов процесс операционализации особенно значим, поскольку при работе с жертвами преступлений необходимо учитывать особенность этого опыта, приобретённого людьми. Только правильные формулировки анкетных вопросов и их правильная последовательность могут обеспечить исследователям данные, значимые для построения выводов о латентной преступности [Иншаков, 2009: 111–112].

Структура виктимизационного опроса предполагает наличие так называемого скринингового вопроса (или разных скрининговых вопросов для разных типов преступлений). Он направлен на выявление опыта виктимизации у респондента. В зависимости от ответа на скрининговый вопрос, респонденты делятся на две группы: те, кто имеет виктимный опыт, и те, кто его не имеет. Условно эти группы можно обозначить как «жертвы» и «не-жертвы». Именно для жертв предназначена следующая за скрининговым вопросом подробная анкета, содержащая вопросы о всех деталях произошедшего. Не-жертвы представляют интерес только как сравнительная категория, обычно им задаются лишь вопросы об их социально-демографических характеристиках. Таким образом, работа с данными виктимизационных опросов обычно предполагает производство выводов как минимум об одной из двух основных генеральных совокупностей. Во-первых, скрининг позволяет выделить из генеральной совокупности населения (с поправкой на то, что это то население, которое способно быть охвачено опросом) ту его часть, у которой присутствует виктимный опыт – и эта часть является выборкой, отражающей вторую генеральную совокупность, а именно всех жертв преступлений. Следующим важным разграничением уже внутри выборки жертв преступлений становится разделение на тех жертв, которые сообщили в полицию (или иные правоохранительные органы) о произошедшем, и на тех, которые не сообщили. На рис. 1 на примере опроса RCVS (подробнее о нём – далее в работе) представлена структура анкеты виктимизационного опроса с основными развилками и блоками. В больших западных опросах, проводимых методом личного интервью и на более объёмных выборках, структура анкеты выглядит сложнее.

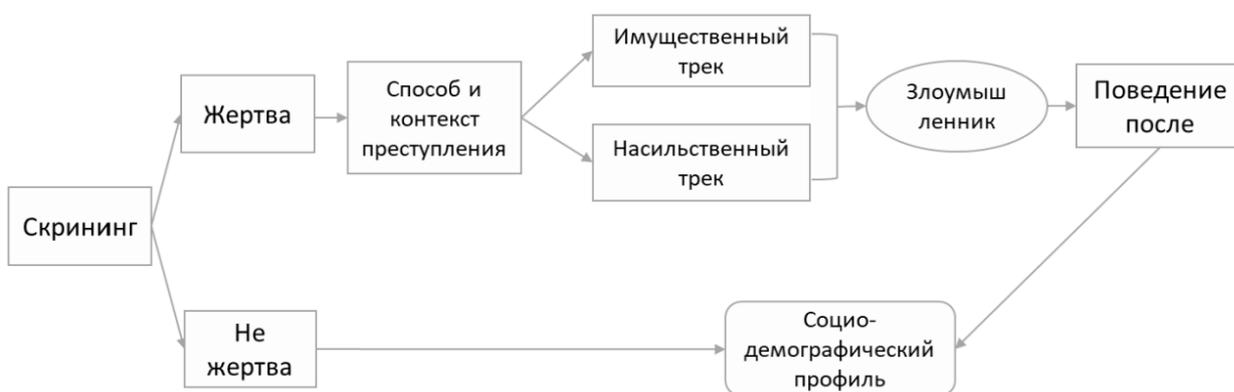

Рисунок 1. Структура анкеты опроса RCVS (2018).
Источник: [Веркеев и др., 2019: 22].

Виктимизационный опрос предполагает опору на слова респондентов как на основной источник информации о множестве правонарушений, совершаемых в обществе. Характер данных накладывает на наши рассуждения все обычные ограничения, касающиеся опросов. Вместе с тем именно опросные данные являются неотъемлемой частью методологии исследования, предполагающей взгляд на преступность глазами не правоохранителей, а простых людей. Понятие «преступление» в данном случае означает событие, которое на основе слов респондента, предположительно могло бы считаться преступлением – сюда попадают все события, вне зависимости от того, можно ли для них примерно определить тип преступления [Кнорре, Титаев, 2018: 3, 9].

Большие виктимизационные опросы на постоянной основе и в наиболее систематизированном виде проводятся с 70-х годов в США (National Crime Victimization Survey (NCVS)) [О’Брайен, 2003; Rennison, Rand, 2006] и с 80-х годов в Великобритании (Crime Survey for England and Wales (CSEW)) [Tilley, Tseloni, 2016]. Также известным и значимым является международный виктимизационный опрос (International Crime Victims Survey (ICVS)), который проводился каждые 4–5 лет в период 1989–2010 гг. более чем в 80 странах [van Kesteren, van Dijk, 2010; van Kesteren, van Dijk, Mayhew, 2014; van Dijk, 2015]. Эта «большая тройка» имеет внутренние различия (особенно заметные в случае ICVS, имеющего целью кросстрановые сравнения), но в целом эти опросы объединяет несколько вещей: регулярность замеров, сложный дизайн выборки и её большой размер (около 100 тыс. человек в NCVS и 35 тыс. человек в CSEW), обширная анкета с массой фильтров и переходов, преимущественно личные (face-to-face) интервью⁷.

К сожалению, в России нет практики проведения регулярных виктимизационных опросов, а известные попытки их проведения страдают от тех или иных методологических

⁷ Подробнее о мировом опыте проведения опросов жертв преступлений см.: [Веркеев и др., 2019: 11–13].

недостатков, зачастую делающих их непригодными для производства обоснованных научных выводов⁸. Основные проблемы можно перечислить так. Для начала, некоторые попытки опросов ограничивались одним городом: Санкт-Петербургом [Гурвич, 1999] или Москвой (ICVS в России). Другие опросы привлекали в качестве респондентов студентов, что не позволяло делать адекватные выводы о населении в целом [Иншаков, 2009]. Попытки проведения виктимизационных опросов со стороны МВД содержали многие нарушения принципов сбора подобных данных. Наиболее обоснованной критикой последних является методический аудит в части качества опросного инструментария и полученных данных, сделанный сотрудниками ИПП [Кнорре, Ходжаева, 2016]. Российские опросные компании (ФОМ, ВЦИОМ, Левада-Центр) иногда включают вопросы о виктимном опыте в свои анкеты, однако размеры выборок и непродуманность опросников не позволяют считать эти опросы эквивалентными действительно качественным виктимизационным опросам. Вопросы о виктимном опыте и обращении в полицию также содержались в отдельных волнах опроса RLMS-HSE⁹, но и здесь они являлись лишь частью анкеты, посвящённой массе других тем, что не позволяет получить детальные данные о преступности. Кроме того, практически во всех перечисленных случаях наблюдаются серьезные проблемы с операционализацией концепта преступления в формулировках вопросов – слишком формальный, юридический язык анкеты снижает качество получаемых данных о виктимном опыте.

RCVS 2018

До недавнего времени у учёных не было возможности детально исследовать поведение жертв преступлений в России. В 2018 году ИПП провел виктимизационный опрос с репрезентативной выборкой населения России – Russian Crime Victimization Survey (RCVS)¹⁰. Данные RCVS были загружены в интернет для свободного доступа¹¹. Из 16818 опрошенных 3001 человек сообщили, что были жертвами как минимум одного

---

⁸ Более подробно о российской практике проведения опросов жертв преступлений см.: [Веркеев и др., 2019: 15–18]

⁹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE).

¹⁰ Сбор данных и разработка инструментария проводились при финансовой поддержке АНО «Интерцентр» в рамках договора на выполнение научно-исследовательской работы по теме «Разработка методологии и проведение всероссийского репрезентативного виктимизационного опроса». Основные результаты опроса представлены в аналитическом обзоре Алексея Кнорре и Кирилла Титаева: [Кнорре, Титаев, 2018].

¹¹ Ссылка на данные и кодбук: Knorre A., 2019, Russian Crime Victimization Survey 2018. <https://doi.org/10.7910/DVN/C2OTH9>. Дата обращения: 20.05.2019.

преступления за последние пять лет. Именно эта группа респондентов прошла полную анкету с вопросами о всех обстоятельствах и характеристиках произошедшего, а также о своем поведении по поводу инцидента, и, разумеется, о социально-демографических характеристиках.

Опрос проведен весной 2018 года (за несколько недель в марте – мае) по технологии Computer Assisted Telephone Interview (CATI), то есть по телефону с использованием компьютера. Реализована простая случайная выборка российских номеров мобильных и стационарных телефонов, никакие квоты не использовались. Уровень ответов (response rate) «составил 14,1% (что типично для телефонных опросов в России). Доля прерванных интервью – 11,8%» [Веркеев и др., 2019: 19].

Целью опроса было достижение числа в три тысячи респондентов с виктимным опытом (утвердительно ответивших на скрининговый вопрос). Кроме этого, в целях дальнейших аналитических сравнений 3719 случайным респондентам, не заявившим о виктимном опыте, были заданы вопросы социально-демографического блока. От остальных респондентов, в случае отсутствия виктимного опыта, была получена информация о возрасте, поле и населенном пункте. В опросе приняли участие респонденты из более чем 75 регионов России (более 3200 населенных пунктов) [Кнорре, Титаев, 2018; Веркеев и др., 2019].

Вместе с коллегами по ИПП автор настоящей работы активно участвовал в обсуждении и разработке опросного инструментария этого опроса: начиная с первого черновика анкеты, и заканчивая финальными стадиями. Автор также участвовал в контроле качества проводимых на пилотном этапе интервью, и в подготовке базы данных (в частности, вручную внося в базу сведения о населенных пунктах).

Для целей разработки опросного инструментария сотрудниками ИПП была проведена серия качественных интервью с жертвами преступлений. Были охвачены различные события: тайные и открытые хищения имущества разной стоимости, мошенничество, физическое насилие, угрозы и т.д. Основной задачей этих интервью было получение сведений о языке описания, который есть в обществе в отношении преступлений. Автор настоящей работы лично проводил часть из этих интервью. Одним из основных результатов этого этапа стало понимание того, что первичная интерпретация действий как преступлений вызывает большие трудности в том смысле, что люди не могут сходу дать релевантный ответ на вопрос о том, были они жертвой преступлений или нет. Во многих случаях необходимы уточнения относительно предмета разговора, т.к. люди при слове «преступление» могут представлять себе довольно разные вещи. Качественные интервью подтвердили, что разговор о виктимном опыте является сложной задачей, и при

разработке опроса необходимо самое пристальное внимание к операционализации исследовательских концептов и формулировкам вопросов анкеты.

Показателен фрагмент из начала одного из качественных интервью, где интервьюер (В) задает один из вариантов скринингового вопроса и следует за реакцией информанта (О), которая требует перехода с формального языка на повседневный (интервью проведено автором, информант – мужчина, 41 год):

В: Можете ли вы сказать, что были когда-либо жертвой преступления?

О: Да я думаю, что нет

<...>

В: Ну смотрите, может у вас когда-либо что-нибудь воровали или крали? Это со всеми более-менее происходит

О: А, ну да, у меня же документы своровали

В: Так, а когда это было? Вы можете подробнее рассказать?

Другим важным результатом стали нарративы о причинах отсутствия мобилизации права со стороны жертв, которые во многом сводились к тому, что люди не видят смысла в обращении в правоохранительные органы и не ожидают от них помощи. В то же время, поскольку интервью специально проводились с людьми разного социального статуса, были заметны различия как в типах инцидентов, с которыми сталкиваются люди, так и в типе их поведения. Так, виктимный опыт кражи со взломом из закрытого сарая с дачного участка или хищения дорогой сумки на улице существенно отличается от систематических избиений. Сильно разнятся и реакция полиции и порядок её общения с жертвой в случае, если она решила заявить об этом. Это довольно разный опыт, но объединяет его то, что нарушаются права и, по всем признакам, имеется состав уголовного преступления. В целом качественный этап существенно помог в операционализации исследовательских категорий и конструировании опросника на сензитивную тему виктимного опыта.

После тщательных обсуждений первый вариант анкеты был протестирован интервьюерами колл-центра проведением 30 пилотных интервью по технологии CATI. Все аудиозаписи были прослушаны и проанализированы на предмет сбоев и недоработок опросного инструментария. После этого анкета была скорректирована: был частично изменен порядок вопросов, формулировки, фильтры (переходы) между блоками анкеты. Затем был проведен второй пилот, составивший 100 интервью, анализ которого позволил еще раз скорректировать некоторые вопросы, и отказаться от других в силу возникающих с ними затруднений. Данные первого пилота не вошли в итоговую базу данных, второго – вошли [Веркеев и др., 2019: 18–19].

Проведённый опрос позволил получить репрезентативную выборку, по структуре совпадающую со структурой генеральной совокупности, а именно населением России.

Свидетельством этому являются, в частности, сравнения социально-демографических характеристик по выборке и по населению. Из табл. 2 видно, что разница между выборкой и населением по половозрастным группам незначительна. Есть некоторая перепредставленность молодых возрастов за счёт старших возрастных групп, однако это вполне ожидаемо и объясняется разницей в коммуникативной доступности данных групп для телефонных опросов [Кнорре, Титаев, 2018: 6–8; Веркеев и др., 2019: 19–21].

В табл. 3 представлено сравнение уровня образования среди респондентов и среди населения. Видно, что здесь разница также незначительная. Присутствует смещение в сторону более образованных людей, оно также объясняется причинами коммуникативной доступности. Кроме того, «уровень образования в России прочно коррелирован с возрастом» и «официальные данные отстают от опроса на три года, а за этот период должна была несколько (на 2–3%) вырасти доля в населении людей с высшим образованием» [Веркеев и др., 2019: 21].

Таблица 2.

Половозрастное распределение в выборке RCVS и в населении старше 18 лет.

Возраст, годы	Мужчины			Женщины			Всего		
	Население, %	Выборка, %	Разница, п.п.	Население, %	Выборка, %	Разница, п.п.	Население, %	Выборка, %	Разница, п.п.
18-24	4,6	5,5	0,9	4,4	5,0	0,6	9,0	10,5	1,5
25-34	10,5	12,8	2,3	10,3	12,2	1,9	20,8	25,0	4,1
35-44	9,0	10,4	1,4	9,4	10,5	1,0	18,4	20,8	2,4
45-54	7,7	7,3	-0,4	8,6	9,2	0,6	16,3	16,5	0,2
55-64	7,6	5,7	-1,9	10,1	10,1	0,0	17,7	15,8	-1,9
65+	5,8	3,1	-2,7	12,0	8,3	-3,7	17,8	11,4	-6,4
Всего	45,1	44,7	-0,4	54,9	55,3	0,4	100,0	100,0	Н/Д

Источник данных о выборке: опрос RCVS (N=16818); Источник данных о населении: Демографический ежегодник России. 2017. Статистический сборник. Росстат. М., 2017. С. 20; п.п. – процентные пункты. Источник таблицы: [Кнорре, Титаев, 2018: 7].

В табл. 3 представлено сравнение уровня образования среди респондентов и среди населения. Видно, что здесь разница также незначительная. Присутствует смещение в сторону более образованных людей, оно также объясняется причинами коммуникативной доступности. Кроме того, «уровень образования в России прочно коррелирован с возрастом» и «официальные данные отстают от опроса на три года, а за этот период должна

была несколько (на 2–3%) вырасти доля в населении людей с высшим образованием» [Веркеев и др., 2019: 21].

Таблица 3.

Уровень образования в выборке RCVS и у населения старше 18 лет.

Образование	Население, %	Выборка, %	Разница, п.п.
Высшее	26,7	37,2	10,5
Незаконченное высшее	2,9	4,8	1,9
Среднее специальное / профессиональное	41,6	37,2	-4,4
Полное среднее	17,7	15,2	-2,5
Общее среднее	8,0	5,2	-2,8
Начальное и менее	3,1	0,4	-2,7

Источник данных о выборке: опрос RCVS (N=6528); Источник данных о населении: Российский статистический ежегодник. 2017. Статистический сборник. Росстат. М., 2017. С. 179; п.п. – процентные пункты. Источник таблицы: [Кнорре, Титаев, 2018: 7].

Следовательно, опрос репрезентирует население России, обычно доступное для опросных методов, и адекватно отражает ситуацию с преступностью в России. Добавим, что для массовых видов преступности наличествующие в выборке смещения незначимы и не должны вносить содержательных искажений [Кнорре, Титаев, 2018: 6–8; Веркеев и др., 2019: 19–21]. Редкие виды преступлений, а также слишком сензитивные для телефонных опросов темы, касающиеся, например, сексуального насилия, к сожалению, составляют ограничение данных. Однако отметим, что в первом случае это ограничение некритично, т.к. редкие виды преступности не представляют интерес при производстве выводов о крупных закономерностях мобилизации права и отношениях граждан с правовой системой, в отличие от столкновений с массовыми видами преступности, с которыми правоохранители работают на постоянной основе. Так, хотя в Уголовном кодексе РФ около 800 составов преступлений, «82% всех осужденных были приговорены по 30 основным составам» [Панеях, Титаев, Шклярчук, 2018: 24]. Другим ограничением данных является малый (относительно больших западных виктимизационных опросов) объем выборки, делающий стратегию построения моделей по всей выборке, а не по конкретным типам преступлений, более предпочтительной.

База данных RCVS содержит 16818 наблюдений. Это исследование посвящено поведению жертв преступлений. Как было сказано, их в базе 3001 – это и есть основной

аналитический массив. Таким образом, единица наблюдения в базе – одна жертва одного преступления за предшествующие опросу пять лет.

2.2. Методология

Основная часть эмпирической работы в данном исследовании – построение регрессионной модели обращения в правоохранительные органы со стороны граждан. Также предпринимается попытка выстроить с помощью регрессионных моделей траекторию мобилизации права в России, которая начинается с обращения человека в правоохранительные органы (первая модель из пяти) и заканчивается наказанием виновного (пятая модель). Важной частью эмпирической работы является операционализация теоретических концептов – перевод их в эмпирические категории [Батыгин, 1995: 57]. Два следующих подраздела посвящены операционализации и описанию зависимых и независимых (объясняющих) переменных. Также для каждой переменной описывается сделанная предварительная обработка данных, которая включает в себя удаление пропущенных или нерелевантных для анализа значений, перекодировку переменных и другие действия по подготовке массива к анализу. Надо добиться того, чтобы все нужные переменные были закодированы верно, а также проконтролировать, чтобы были удалены (перекодированы в значения NA) не-ответы, т.е. когда респонденты затруднились ответить на вопрос, или же этот вопрос им не задавался из-за фильтров анкеты.

Зависимые переменные

Мобилизация права – категория, которая в данной работе операционализируется с помощью пяти зависимых переменных, представленных ниже:

1. Узнали ли о случившемся правоохранительные органы? (Reporting)
2. Было ли возбуждено уголовное или административное дело?
3. Был ли установлен виновный?
4. Дошло ли дело до суда?
5. Получил ли наказание виновный?

Поскольку все зависимые переменные являются бинарными (биномиальными), то при анализе используется метод логистической регрессии, широко представленный в известной литературе по теме исследования (см. главу 1).

Строго говоря, согласно теоретической рамке Блэка [Black, 1976], каждая из зависимых переменных может быть понята как индикатор количества права: если переменная принимает значение «1», то права больше, чем при её нулевом значении. Таким образом, зависимые переменные измеряют поведение права. В первой главе при

обсуждении теории мы уже разобрались, что увеличение количества права по определению предполагает, что оно кем-то мобилизуется. В случае переменной Reporting это эффект действий граждан, в последующих случаях это эффекты решений правоохранителей. Следовательно, в пяти используемых зависимых переменных эмпирически выражен концепт мобилизации права. Независимые переменные (также называемые предикторами) – различные социальные и контекстуальные характеристики произошедшего, информация о которых получена за счёт обширной анкеты виктимизационного опроса.

Обратимся снова к табл. 1 из первой главы, где были показаны четыре подхода к исследованию мобилизации права, и поместим в эту систему координат данное исследование. Напомним, что мобилизация права делится на реактивную («запущенную» гражданами) и проактивную («запущенную» по инициативе правоохранителей). В фокусе данной работы находится именно реактивная мобилизация права, и подобно работе Авакаме и коллег [Avakame, Fyfe, McCoy, 1999], здесь применяются оба подхода – от действия и от результата. Для наглядности в табл. 4, сделанной по аналогии с табл. 1, представлена классификация эмпирических индикаторов мобилизации права, используемых в данной работе. В скобках указано место индикатора в траектории мобилизации права, что соответствует порядковому номеру регрессионной модели.

Таблица 4.

Эмпирические индикаторы мобилизации права в данной работе.

Тип мобилизации	Подход от действия	Подход от результата
Реактивная	Обращение гражданина в правоохранительные органы: (1) переменная Reporting	Качество реакции на обращение: (2) Возбуждено дело; (3) Виновный установлен; (4) Дело дошло до суда; (5) Виновный наказан.

Далее требуется подробно описать все используемые переменные. Начнем с переменной **Reporting** – зависимой переменной модели 1. Респондентам задавался вопрос «узнали ли о случившемся правоохранительные органы?», именно распределение ответов на него соответствует этой переменной. Правоохранительные органы узнали о произошедшем в 48,5% (1447) случаев, а не узнали в 51,5% (1537) случаев. По этому вопросу зафиксировано 17 не-ответов. Затем уточнялось кто именно обратился в органы. Большая часть ответов на вопрос о субъекте обращения приходится на случаи, когда респондент сам обратился в органы (81%), либо это сделали его знакомые (12%). На другие варианты ответа приходится наименьшая доля наблюдений: незнакомые вам люди (1,8%); медицинские организации (1,8%); другие организации (1,4%); затрудняюсь ответить (2%).

Соответственно, в большей части случаев речь идет именно о поведении жертвы преступления или её знакомых (мы также предполагаем, что в типовом случае знакомые жертвы так или иначе согласовывают с жертвой решение об обращении).

В целом переменная Reporting так или иначе свидетельствует об обращении в правоохранительные органы граждан, то есть и вся дальнейшая мобилизация права, представленная другими четырьмя зависимыми переменными, представляет собой реакцию правоохранительной системы на сигналы граждан, т.е. реактивную мобилизацию права. Речь идет именно об обращении в правоохранительные органы в целом, а не лишь в полицию, но, согласно опросу, подавляющее большинство (92%) обращений приходится именно на полицию (вопрос о месте обращения задавался только тем респондентам, которые обратились в органы самостоятельно, т.е. проценты приведены от этой группы респондентов).

Возбуждено дело. На этапе возбуждения дела правоохранителями (модель 2) выборка сокращается примерно вдвое, т.к. дело может быть возбуждено только в случае обращения в органы, и вопрос задавался только соответствующим респондентам. На каждой последующей стадии выборка также сокращается в соответствии с распределением значений зависимой переменной на предшествующей стадии. Дело было возбуждено в 56% (646) случаев. В силу того, что процесс возбуждения дела не является частью повседневности простых граждан, они могут не всегда отдавать себе отчет в том, было в действительности оно возбуждено, или нет. В том числе поэтому на этот вопрос затруднились ответить 291 человек. Из случаев, когда дело было возбуждено, большинство (530) приходится на уголовное дело (УД), а 116 на административное дело (АД). Таким образом, основным фокусом анализа является мобилизация именно уголовного права. При этом принято решение не исключать случаи возбуждения АД из анализа, поскольку они также представляют собой мобилизацию права, а не её отсутствие, позволяя жертве рассчитывать на сравнительно больший эффект от обращения.

Виновный установлен. Зависимая переменная модели 3, отвечающая на вопрос: если дело было возбуждено, то был ли установлен виновный по делу? В 54% виновный был установлен. На вопрос об установлении виновного затруднились ответить 155 человек. В этом вопросе также присутствует вариант ответа «дело еще в процессе» (63 ответа) – эти случаи мы тоже вынуждены исключить из анализа, т.к. они нерелевантны.

Дело дошло до суда. Если виновный был установлен, то дошло ли дело до суда? В 73% случаев ответ на этот вопрос утвердительный. Выборка на этом этапе (модель 4) сокращается до 286 человек. Сравнение с официальной статистикой по количеству дел, дошедших до суда, выступает еще одним свидетельством репрезентативности и валидности

используемого массива данных. По официальным данным (полученным из статистических карточек на зарегистрированное преступление формы № 1 с совершеннолетней жертвой), до суда доходит около 400 тыс. дел в год. Согласно опросу, таких дел примерно 380 тыс. в год. Разница между этими значениями менее 5%, что позволяет говорить о достоверности результатов, полученных в ходе опроса [Веркеев и др., 2019: 26].

Виновный наказан. Точная формулировка вопроса в анкете: «Получил ли наказание виновный или кто-либо из виновных, если их было несколько?». Здесь фильтруются только те случаи, когда дело дошло до суда и, соответственно, до этого преступник был установлен. Всего таких случаев, релевантных для модели 5 – 193. По словам респондентов, виновный получил наказание в 17% случаев.

В табл. 5 представлено распределение значений пяти бинарных зависимых переменных в том виде, в котором они используются в анализе.

Таблица 5.

Распределение значений зависимых переменных.

Переменная	Вся выборка (n=3001)
Reporting	
0	1537 (51.5%)
1	1447 (48.5%)
NA	17
Возбуждено УД или АД	
0	510 (56%)
1	646 (44%)
NA	1845
Виновный установлен	
0	272 (46%)
1	320 (54%)
NA	2409
Дело дошло до суда	
0	76 (27%)
1	210 (73%)
NA	2715
Виновный наказан	
0	33 (17%)
1	160 (83%)
NA	2808

Гипотезы и объясняющие переменные

Основные гипотезы автор формулирует в соответствии с теоретическими предпосылками исследования, а именно теорией Блэка о мобилизации права в зависимости от социального статуса жертвы (H2) и присутствия альтернативного праву внезаконного социального контроля (H3), а также теорией рационального выбора в криминологии, отсылающей к тяжести преступления как основной причине принятия решения о мобилизации права (H1). Гипотезы:

H1: Вероятность мобилизации права связана положительно с тяжестью преступления.

H2: Вероятность мобилизации права связана положительно с социальным статусом жертвы преступления.

H3: Вероятность мобилизации права связана отрицательно с внеправовым социальным контролем в ситуации преступления.

Объясняющие переменные имеет смысл разделить на три содержательные группы. Они включают характеристики преступления, жертвы, а также контекстуальные, или ситуационные характеристики преступления. Предикторы по большей части сформированы в группы в соответствии с ожидаемым эффектом влияния на зависимые переменные мобилизации права. Первая группа предикторов (I) относится к гипотезе H1, вторая (II) – к гипотезе H2, а третья (III) – к гипотезе H3. При этом переменные возраста и пола являются контрольными, и напрямую не относятся к каким-то гипотезам. В списке, приведенном ниже, стрелка вверх после предиктора означает, что гипотетически ожидается его положительная связь зависимой переменной, то есть большая вероятность мобилизации права при возрастании значения предиктора (изменении его с «0» на «1» в случае бинарных предикторов). Стрелка вниз означает обратную связь. Например, предполагается, что чем выше доход жертвы, тем выше вероятность мобилизации права:

I. Преступление:

Насилие ↑

Материальный ущерб, в рублях ↑

Дистанционное (через телефон/интернет) ↓

II. Жертва:

Пол

Возраст

Доход ↑

Образование ↑

В браке ↑

Учится ↑

Работает ↑

Без судимости ↑

III. Ситуация:

Светлое время суток ↓

Жилое место ↓

Свидетели ↓

Численность населения ↑

Рассмотрим объясняющие переменные подробнее.

Насилие. Эта переменная отсылает к ответу на вопрос «было ли к вам применено физическое насилие?». Если пытаться примерно квалифицировать преступления, то в эту категорию входят нападение, однозначно подразумевающее насилие, а также частично грабеж и разбой, в зависимости от применения насилия при этих типах преступлений. Вопрос о насилии задавался только тем, кто отрицательно ответил на вопрос о дистанционном характере преступления. По этому вопросу три затруднившихся ответить респондента. Все случаи, когда вопрос не задавался по причине дистанционного характера преступления, а также три не-ответа закодированы как «0».

Ущерб в рублях. Материальный ущерб в рублях, причиненный жертве преступления, связанного с утратой имущества. Вопрос «какова была примерная сумма материального ущерба в рублях?» задавался только тем респондентам, которые ответили утвердительно на вопрос «можно ли сказать, что в результате этого события вам был нанесен материальный ущерб?». В аналитических целях все отрицательные ответы на вопрос об ущербе были закодированы как примерная сумма ущерба «0». Так же были закодированы затруднившиеся назвать сумму ущерба (121 наблюдение). В регрессионном анализе используется десятичный логарифм суммы ущерба.

По этой переменной существуют аутлаеры – нетипично большие значения. Конечно, среди имущественных преступлений встречаются крупные потери: если мы посмотрим на преступления, жертвы которых назвали ущерб более миллиона рублей, то увидим много краж автомобилей и мошенничеств с документами на квартиры. Ровно 10 наблюдений имеют ущерб свыше 3 млн. В случае этих преступлений такие размеры ущерба не вызывают сомнений вплоть до отметки в 5 млн рублей (конкретно эта сумма отсылает к краже автомобиля). Однако далее возникают сомнения в валидности названных респондентами сумм ущерба, особенно это касается двух наиболее заметных аутлаеров: преступлений с ущербом на 30 млн рублей и ущербом от дистанционного мошенничества на 6 млрд рублей. Помимо них выше отметки в 5 млн есть пять наблюдений от 7,2 млн до 15 млн. Автором принято решение исключить из анализа аутлаеры по переменной материального ущерба свыше 15 млн. В процессе работы были также посчитаны регрессионные модели при

исключенных аутистах свыше 5 млн и свыше 3 млн: значимых различий в коэффициентах выявлено не было (в сравнении с моделями, где удалены аутисты свыше 15 млн).

Дистанционное преступление. Вопрос о дистанционном характере преступления задавался одним из первых после скринингового вопроса о виктимном опыте. Точная формулировка вопроса: «можно ли сказать, что в вашем случае преступление произошло через телефон/интернет (например, злоумышленники вам звонили или писали с просьбой перевести им деньги) или к вашему случаю это неприменимо?». 23 респондента затруднились ответить на этот вопрос.

Пол жертвы преступления кодировался интервьюером на основе названного респондентом имени и звучания голоса. Среди жертв преступлений в выборке 53,9% респонденток и 46,1% респондентов. Пропущенных значений по данной переменной нет. Есть основания считать, что ошибки заполнения по данной переменной практически сведены к нулю.

Возраст назывался респондентом в ответ на прямой вопрос о возрасте, эта переменная также не содержит не-ответов. Средний возраст жертвы – 42 года, медианный – 39 лет. Как было отмечено в разделе о данных, недопредставленность в выборке старших групп населения объясняется их меньшей коммуникативной и инфраструктурной доступностью в сравнении с более молодыми группами, что делает последние более доступными для телефонных опросов.

Доход. Переменная дохода, или благосостояния респондента, имеет 3% (91) пропущенных значений. Для оценки благосостояния использовалась шкала из шести вариантов ответа, предлагаемых респонденту. Варианты ответа являются конвенционально применяемыми в российской опросной практике и варьируются от «едва сводим концы с концами, денег не хватает на продукты» («1») до «можем позволить себе практически все: квартиру и т.д.» («6»). В силу малого числа наблюдений по последнему варианту ответа, два последних варианта были объединены в категорию «5». В регрессии переменная дохода включается как количественная.

Образование. По переменной образования отсутствуют не-ответы. Для оценки уровня образования использовался вопрос «какое у вас образование?». Варианты кодировки переменной отсылают к следующим уровням образования: Полное среднее и ниже («1»); Среднее специальное/техническое или начальное профессиональное («2»); Высшее и незаконченное высшее («3»). В регрессии переменная образования включается как количественная.

В браке. Вопрос о брачном статусе имеет разделение на официальный и неофициальный (гражданский) брак. Он был перекодирован в бинарную переменную, где

эти виды отношений не разделялись. Допускается, что фактические отношения между людьми с криминологической точки зрения важнее, чем их официальная регистрация. Вопрос о браке содержит 13 не-ответов.

Учится ли респондент на момент опроса? По этому вопросу нет затруднившихся ответить. Среди жертв преступлений 10% ответили, что в настоящий момент учатся.

Работает ли респондент на момент опроса? По этому вопросу также нет затруднившихся ответить. Среди жертв преступлений 64% работающих людей. Безусловно, вопросы об учёбе и работе на момент опроса создают ограничение данных, поскольку гораздо полезнее было бы знать аналогичную информацию на момент происшествия, заявленного респондентом. Тем не менее, представляется, что они всё же способны аппроксимировать включённость респондента в общество, а вопросы об этих статусах на момент происшествия, в случае их использования, имели бы больший риск ошибки респондента.

Без судимости. Данная переменная отсылает к ответу на вопрос «привлекались ли вы сами когда-нибудь к уголовной ответственности?». В силу некоторой сензитивности этого вопроса, он задавался в опроснике самым последним. В то же время в силу его конкретности не-ответы по этому вопросу отсутствуют. 7,5% (226) жертв преступлений на этот вопрос ответили утвердительно. Для удобства при интерпретации результатов анализа создана переменная «Без судимости», перекодированная зеркально: она принимает значение «1», когда респондент не привлекался к уголовной ответственности, то есть предстает как более социально одобряемый по этому параметру.

Светлое время суток. В 63% случаев преступление произошло в светлое время суток. Точная формулировка вопроса: «это произошло в светлое или темное время суток?». 5,9% (176) респондентов затруднились вспомнить время суток.

Жилое место. Сложность с учетом места преступления заключается в том, что треть преступлений являются дистанционными, т.е. совершенными через телефон или интернет. В их случае важность местонахождения жертвы в момент преступления, конечно, не теряется полностью, но по крайней мере изменяется качественно. Автором принято решение не учитывать местонахождение жертвы во время удаленного преступления. Таким образом, данная дихотомическая переменная принимает значение «1», когда преступление не было дистанционным и одновременно произошло в жилом пространстве: дома у жертвы, в гостях, или в подъезде или дворе. Таких случаев 24%. По этому вопросу 33 не-ответа.

Свидетели. Данная переменная отсылает к вопросу «были ли в этот момент рядом с вами другие люди?». Присутствие рядом других людей в момент преступления (возможно, обнаружения его последствий, например, когда человек обнаруживает, что его обокрали) –

важный криминологический предиктор поствиктимного поведения. В 54% случаев рядом с жертвой находились другие люди. Присутствие других людей учитывается в случае дистанционных преступлений так же, как и в случае очных. По этому вопросу 74 не-ответа.

Население. Численность населения в населенном пункте, где проживает жертва, используется в качестве метрики, в том числе обозначающей степень урбанизации населенного пункта. База, помимо этой переменной, содержит дихотомическую переменную, отвечающую за разделение статусов населенных пунктов на сельские и городские, однако это разделение в российском случае мало о чем говорит. В случаях относительно небольших населенных пунктов эта формальная классификация довольно слабо соотносится с численностью населения и развитостью инфраструктуры. Автор работы смог оценить эту проблему в том числе на собственном опыте, когда вручную вносил в базу RCVS информацию о населенных пунктах. Поэтому автором принято решение в качестве предиктора использовать именно численность населения. По этой переменной есть 137 пропущенных значений. В регрессионном анализе используется десятичный логарифм численности населения.

В табл. 6 представлено распределение значений независимых переменных по всей выборке, а также по двум категориям ключевой зависимой переменной Reporting.

Таблица 6.

Распределение значений независимых переменных, в том числе в зависимости от значения переменной Reporting (правоохранительные органы узнали о преступлении).

Переменная	Reporting=0 (n=1537)	Reporting=1 (n=1447)	Вся выборка (n=3001)
Насилие			
0	1399 (91%)	1235 (85.3%)	2651 (88.3%)
1	138 (9%)	212 (14.7%)	350 (11.7%)
Ущерб в рублях			
Среднее (станд. отклонение)	22800 (133000)	131000 (797000)	74800 (564000)
Медиана [мин., макс.]	1000 [0, 3e+06]	10000 [0, 1.5e+07]	5000 [0, 1.5e+07]
NA	2 (0.1%)	0 (0%)	2 (0.1%)
Дистанционное			
0	937 (61%)	1130 (78.1%)	2075 (69.1%)
1	589 (38.3%)	306 (21.1%)	903 (30.1%)
NA	11 (0.7%)	11 (0.8%)	23 (0.8%)
Мужской пол			
0	794 (51.7%)	816 (56.4%)	1618 (53.9%)

1	743 (48.3%)	631 (43.6%)	1383 (46.1%)
Возраст			
Среднее (станд. отклонение)	40.8 (15.7)	43.5 (15.5)	42.1 (15.7)
Медиана [мин., макс.]	37.0 [18, 98]	41.0 [18, 90]	39.0 [18, 98]
Доход			
1	146 (9.5%)	147 (10.2%)	294 (9.8%)
2	438 (28.5%)	357 (24.7%)	800 (26.7%)
3	526 (34.2%)	512 (35.4%)	1040 (34.7%)
4	286 (18.6%)	262 (18.1%)	552 (18.4%)
5	104 (6.8%)	117 (8.1%)	224 (7.5%)
NA	37 (2.4%)	52 (3.6%)	91 (3%)
Образование			
1	299 (19.5%)	242 (16.7%)	543 (18.1%)
2	543 (35.3%)	513 (35.5%)	1060 (35.3%)
3	695 (45.2%)	692 (47.8%)	1398 (46.6%)
В браке			
0	564 (36.7%)	497 (34.3%)	1067 (35.6%)
1	968 (63%)	943 (65.2%)	1921 (64%)
NA	5 (0.3%)	7 (0.5%)	13 (0.4%)
Учится			
0	1355 (88.2%)	1343 (92.8%)	2713 (90.4%)
1	182 (11.8%)	104 (7.2%)	288 (9.6%)
Работает			
0	535 (34.8%)	533 (36.8%)	1072 (35.7%)
1	1002 (65.2%)	914 (63.2%)	1929 (64.3%)
Без судимости			
0	124 (8.1%)	102 (7%)	226 (7.5%)
1	1413 (91.9%)	1345 (93%)	2775 (92.5%)
Светлое время суток			
0	495 (32.2%)	545 (37.7%)	1045 (34.8%)
1	948 (61.7%)	821 (56.7%)	1780 (59.3%)
NA	94 (6.1%)	81 (5.6%)	176 (5.9%)
Жилое место			
0	1253 (81.5%)	973 (67.2%)	2239 (74.6%)
1	259 (16.9%)	464 (32.1%)	727 (24.2%)
NA	25 (1.6%)	10 (0.7%)	35 (1.2%)

Свидетели

0	672 (43.7%)	627 (43.3%)	1304 (43.5%)
1	832 (54.1%)	779 (53.8%)	1623 (54.1%)
NA	33 (2.1%)	41 (2.8%)	74 (2.5%)

Население

Среднее (станд. отклонение)	1550000 (3640000)	1070000 (2950000)	1320000 (3330000)
Медиана [мин., макс.]	279000 [2, 12500000]	202000 [7, 12500000]	239000 [2, 12500000]
NA	77 (5%)	59 (4.1%)	137 (4.6%)

Таким образом, при анализе может быть прослежена траектория мобилизации права в России от сообщения в органы до наказания преступника, и влияние социальной структуры и других условий на каждом из пяти этапов.

2.3. Результаты

Регрессионные модели траектории мобилизации права

Для оценки связи независимых переменных с зависимыми переменными применен метод логистической регрессии. Построено пять моделей (табл. 7) в соответствии с числом зависимых переменных. Получены оценки шансов на то, что (1) о происшествии узнают правоохранительные органы, (2) будет возбуждено уголовное или административное дело, (3) виновный будет установлен, (4) дело дойдет до суда, (5) виновный будет наказан. Для всех моделей используются одинаковые 15 предикторов.

Таблица 7.

Логистическая регрессия траектории мобилизации уголовного права в России, коэффициенты – отношения шансов (odds ratio).

	1	2	3	4	5
	Reporting	Возбуждено УД или АД	Виновный установлен	Дело дошло до суда	Виновный наказан
Насилие	2.525*** (0.147)	0.709* (0.199)	1.415 (0.296)	0.941 (0.447)	0.114*** (0.762)
Ущерб в рублях (lg)	1.328*** (0.023)	1.180*** (0.036)	0.887** (0.056)	1.017 (0.088)	0.798 (0.147)
Дистанционное	0.748*** (0.109)	0.818 (0.185)	0.291*** (0.293)	0.575 (0.522)	0.241 (0.962)
Мужской пол	0.826**	0.810	0.581***	0.881	1.313

	(0.092)	(0.146)	(0.206)	(0.347)	(0.569)
Возраст	1.010*** (0.003)	0.999 (0.005)	1.017** (0.008)	0.988 (0.012)	1.002 (0.020)
Доход	1.051 (0.043)	1.152** (0.066)	1.099 (0.092)	1.053 (0.155)	0.710 (0.225)
Образование	1.169** (0.062)	0.997 (0.100)	0.845 (0.144)	1.111 (0.229)	0.503 (0.421)
В браке	1.170* (0.094)	0.883 (0.150)	1.160 (0.209)	1.475 (0.343)	2.013 (0.567)
Учится	0.636*** (0.162)	0.740 (0.282)	1.186 (0.407)	2.036 (0.834)	0.343 (0.842)
Работает	0.871 (0.100)	1.944*** (0.158)	0.996 (0.229)	0.770 (0.376)	1.995 (0.559)
Без судимости	1.362* (0.175)	0.690 (0.293)	0.814 (0.373)	1.018 (0.597)	3.311 (0.879)
Светлое время суток	0.836* (0.092)	0.598*** (0.146)	1.120 (0.203)	0.518** (0.325)	0.183*** (0.591)
Жилое место	1.854*** (0.113)	1.137 (0.162)	1.402 (0.220)	1.944* (0.355)	0.981 (0.559)
Свидетели	1.082 (0.089)	0.915 (0.141)	1.691*** (0.200)	0.752 (0.320)	0.347** (0.538)
Население (lg)	0.856*** (0.041)	0.860** (0.068)	0.879 (0.094)	0.739* (0.155)	0.843 (0.257)
Constant	0.286*** (0.351)	1.981 (0.576)	2.039 (0.794)	17.883** (1.356)	512.691** (2.483)
Наблюдения	2506	972	504	244	163
Log Likelihood	-1553.856	-623.973	-318.144	-131.864	-57.257
Akaike Inf. Crit.	3139.712	1279.946	668.288	295.728	146.515
Nagelkerke pseudo R-squared	0.18	0.11	0.15	0.13	0.32
* p<0.1; ** p<0.05; *** p<0.01					

Стандартные ошибки в круглых скобках.

В табл. 7 в качестве регрессионных коэффициентов независимых переменных представлены отношения шансов (odds ratio). Отношение шансов >1 означает, что с ростом значения предиктора растут шансы на то, что зависимая переменная принимает значение «1». Отношение шансов <1 означает, что с ростом значения предиктора шансы на то, что зависимая переменная принимает значение «1», напротив, падают. Рис. 2 (см. приложение 2) содержит наглядное представление коэффициентов в виде графика отношений шансов.

При интерпретации результатов логистической регрессии также можно опираться на средние предельные эффекты. Предельный эффект в процентных пунктах показывает увеличение средней вероятности того, что зависимая переменная примет значение «1» при увеличении независимой переменной на одну единицу. Для получения предельного эффекта в п.п. необходимо умножить значение за 100. Предельный эффект бывает как средний для регрессора по всем наблюдениям, так и для среднего значения регрессора. Поскольку у нас в модели есть бинарные независимые переменные, то имеет смысл рассчитывать Average Marginal Effects (AME), то есть средние предельные эффекты регрессоров по всем наблюдениям, а не для среднего значения регрессора – Marginal Effects at Mean (MEM). Это обусловлено тем, что, например, нельзя сказать о конкретном человеке, что он на текущий момент «в среднем» состоит в браке – он либо в браке, либо нет. Табл. 8 с рассчитанными значениями AME содержится в приложении 1.

Для оценки качества моделей необходимо проверить их на мультиколлинеарность. Этот термин означает наличие сильной корреляции между независимыми переменными в регрессионной модели, что является проблемой, мешающей оценить индивидуальный вклад переменных в объяснение вариации зависимой переменной (Field, Miles, Field, 2012: 274–276). Для идентификации мультиколлинеарности применяется диагностика Variance Inflation Factor (VIF), позволяющая оценить, есть ли сильная связь между независимыми переменными. Для того, чтобы сказать, что мультиколлинеарность отсутствует, значение VIF для переменной в модели должно быть меньше 10 (Field, Miles, Field, 2012: 276), хотя именно это пороговое значение не универсально, и на одном из занятий по количественным методам автор работы слышал о значении 5 как о рекомендуемом пороге. Впрочем, рассчитанные автором значения VIF для независимых переменных всех пяти произведенных моделей в большинстве случаев не превышают 1,5 (максимальное полученное значение 2,06 находится в пятой по счёту модели и относится к переменной, отвечающей за применение насилия к жертве). Можно сказать, что согласно диагностике VIF в регрессионных моделях траектории мобилизации права не выявлено мультиколлинеарности.

Далее в тексте обсуждаются результаты регрессионного анализа: сначала рассматривается модель 1, отвечающая за обращение в правоохранительные органы (подход от действия, как он определен в разделе 1.1 этой работы), а затем модели 2–5, отвечающие за успешность обращения (подход от результата).

Обсуждение результатов: обращение в органы

Перед тем, как перейти к описанию и обсуждению полученных результатов, заметим, что многие развитые страны, на данных виктимизационных опросах которых проводятся исследования обращений в полицию, – это страны с относительно высоким уровнем доверия полиции. В России доверие полиции на этом фоне низкое. Это позволяет говорить о том, что Россия – хороший кейс для исследования реактивной мобилизации права. Можно предположить, что если в России человек принял решение обратиться за помощью в полицию, то скорее всего у него действительно нет других альтернатив решения возникшей проблемы (по крайней мере на момент принятия решения об обращении). Следовательно, в России должно быть меньше импульсивных, и больше осмысленных обращений в правоохранительные органы.

Начнем обсуждение результатов модели 1 с гипотезы H1: вероятность мобилизации права выше для более тяжких преступлений. К этой гипотезе относятся предикторы насилия, материального ущерба и дистанционного характера преступления. Все три переменные значимы и прочно связаны с вероятностью обращения в органы. Насилие и ущерб имеют положительный эффект, а дистанционный характер связан с зависимой переменной отрицательно. Эти направления связи позволяют полностью подтвердить H1, что согласуется с предыдущими исследованиями реактивной мобилизации права в количественной криминологии и теорией рационального выбора, применяемой для поствиктимного поведения. Насилие заметно выделяется на фоне остальных бинарных предикторов в модели большим размером эффекта. Как следует из отношения шансов, если действия обидчика с по отношению к жертве содержали применение насилия, то на 152 п.п. (процентных пункта) вырастают шансы на уведомление правоохранительных органов о произошедшем.

Таким образом, применение насилия и большая сумма материального ущерба от действий злоумышленника приводят, при прочих равных условиях, к большей вероятности решения обратиться к праву как способу разрешения возникшей ситуации. Массовые дистанционные преступления по своей сути являются менее тяжкими, чем очные преступления, поэтому дистанционный характер преступления косвенно говорит о меньшей его тяжести. Соответственно, отрицательная связь между вероятностью

мобилизации права и дистанционным характером преступления также говорит в пользу гипотезы H1.

Далее обратимся к гипотезе H2: вероятность мобилизации права выше для жертв с более высоким социальным статусом. Все переменные социального статуса, по поводу которых есть гипотетическое направление связи, относятся к характеристикам жертвы. Также в модель включены контрольные переменные пола и возраста. Рассмотрим их статистически значимые эффекты, прежде чем перейти к другим предикторам.

Пол жертвы преступления сам по себе не отражает социальный статус. Несмотря на то, что в ряде исследований (см. раздел 1.2) мужской пол трактуется именно как более высокий социальный статус по отношению к женскому – это неверная операционализация. Для разных ситуаций как мужской, так и женский пол, могут быть актуальны по-разному, т.е. иметь более глубокие качественные различия в паттернах мобилизации права, что непосредственно связано с гендерным порядком общества.

В модели мужской пол жертвы оказался отрицательно связан с обращением в правоохранительные органы. Это можно интерпретировать с точки зрения гендерных норм, которые в случае мужской гендерной социализации негативно санкционируют несамостоятельность и обращение к кому-либо за помощью при возникновении проблем. Такой эффект наблюдается, например, при мобилизации медицины – мужчины в сравнении с женщинами менее склонны прибегать к медицине как способу решения проблем со здоровьем. Аналогичной может быть ситуация и с правом.

Также нельзя исключать эффект социально одобряемых ответов на вопрос интервьюера. Такая ситуация распространена в исследованиях, пытающихся измерить страх перед преступностью: мужчины в сравнении с женщинами тотально отвечают, что не боятся идти в темное время суток одни по улице в своём районе проживания, однако эксперименты показывают, что уровень страха ими искусственно занижается [Sutton, Farrall, 2005]. В нашем случае может иметь место такой же эффект социально одобряемых ответов, однако достоверно это на имеющихся данных проверить нельзя. В свою очередь, большая распространенность страха перед преступностью среди женщин¹² [Stanko, 1995] может являться объяснением наблюдаемого эффекта пола.

Возраст жертвы, как и пол, не может считаться индикатором социального статуса сам по себе, т.е. более старший возраст одновременно не означает более высокий статус даже при прочих равных условиях. В разных ситуациях связь возраста с мобилизацией

---

¹² Это актуально и в России. Как показывают расчеты автора на данных RLMS-HSE (2017 г.), в среднем люди чувствуют себя небезопасно в 30% случаев, идя одни по улице своего района проживания в темное время суток. Среди женщин этот показатель равен 37%, среди мужчин – 20%.

права может различаться. В модели возраст положительно связан с вероятностью мобилизации права¹³.

Незначимой оказалась переменная дохода. Образование имеет значимую положительную связь с обращением в органы¹⁴. Что касается жертв, которые ответили, что учатся на данный момент (которых условно можно назвать студентами), то здесь связь с мобилизацией права значимо отрицательная. Студенты менее склонны обращаться к праву как способу решения проблем, в сравнении с теми, кто на момент опроса нигде не учится.

При этом факт того, что жертва имеет работу, в данной модели незначим. Наличие гражданского или официального партнера несколько увеличивает вероятность обращения в полицию, однако здесь эффект значим на менее приемлемом уровне значимости ($p < 0.1$). Такой же уровень значимости у эффекта отсутствия судимости у жертвы. Данная закономерность, должно быть, связана с предыдущим опытом общения с правоохранительными органами. Условно говоря, если в результате такого взаимодействия у человека появилась судимость, то можно предполагать, что он будет относиться к ним с меньшим доверием¹⁵. Это также может быть связано с некоторыми особенностями социализации в местах лишения свободы, однако вопрос задавался об уголовной ответственности, а не об опыте тюремного заключения, так что адекватно проконтролировать это объяснение нельзя.

Можно заключить, что гипотеза H2, основанная на теории права Блэка, нашла частичное подтверждение в исследовании. Все переменные, которые связывались с этой гипотезой на этапе построения дизайна исследования, кроме переменной «Учится», показали ожидаемое направление связи. Однако незначимыми оказались эффекты дохода и факта трудоустройства жертвы.

Перейдём к рассмотрению результатов по гипотезе H3: вероятность мобилизации права выше для ситуаций с более низким внеправовым социальным контролем. Здесь незначимым оказалось присутствие рядом с жертвой других людей. Светлое время суток значимо (на уровне $p < 0.1$) влияет на вероятность уведомления правоохранителей о происшествии. Связь отрицательная, т.е. если преступление произошло днем, то

---

¹³ С увеличением возраста на один год шансы на мобилизацию права увеличиваются на один п.п. Для более упрощенного понимания эффекта можно сказать, что с увеличением возраста на 10 лет на 10 п.п. вырастает вероятность мобилизации права.

¹⁴ Рост уровня образования на одну единицу из трёх (см. кодировку переменной в разделе 2.2.) дает прирост в 17 п.п. в шансах на обращение.

¹⁵ По поводу жертв с судимостью см. также цитату из интервью, приводимую далее при обсуждении модели 2.

вероятность уведомления органов меньше. Этот эффект согласуется с теорией Блэка, которая подразумевает большее присутствие социального контроля в дневное время.

Жилое место преступления (жилой дом, подъезд, двор) прочно и положительно связано с уведомлением органов. Этот результат не согласуется с гипотетическим предположением, согласно которому мобилизация права должна происходить чаще в публичных пространствах. Согласно теории Блэка, домашние пространства имеют больше альтернативного праву внезаконного социального контроля (например, внутрисемейных норм), так что преступления, произошедшее дома, должны с меньшей вероятностью попадать к полиции. В то же время этот результат не может быть проверен достаточно подробно: мы не знаем точных обстоятельств преступлений, и возможно здесь присутствует искажение ненаблюдаемой переменной (omitted variable bias) [Wooldridge, 2016].

Здесь необходимо пояснить, что эффект жилого места может быть связан не только с внезаконным социальным контролем, но и с серьезностью преступления, что говорило бы в пользу гипотезы H1. Возможно, что правонарушения, произошедшие с жертвой дома, субъективно воспринимаются как более серьезные инциденты из-за контраста в ожиданиях: представляется, что дом обычно воспринимается людьми как более безопасное и полное определенности пространство, чем улица или иное публичное место.

С ростом численности населения населенного пункта респондента значимо падает вероятность уведомления правоохранительных органов. Это не согласуется с предположениями теории Блэка об урбанизированных и сельских контекстах. Сельский контекст подразумевает меньшую опору на государственный социальный контроль в решении проблем и конфликтов. Отчасти это может быть связано с более плотными социальными связями в относительно менее крупных населенных пунктах, особенно селах и деревнях. Малая численность населения, высокая плотность связей, и не обезличенная, в отличие от крупных городов, коммуникация, позволяет задействовать внезаконный социальный контроль более эффективно, чем право. В модели же все наоборот: чем больше населенный пункт, тем меньше вероятность мобилизации права. Это интересный результат, безусловно требующий отдельного исследования. Таким образом, гипотеза H3 о связи государственного и внезаконного социального контроля подтверждается только частично.

Обсуждение результатов: успешность обращения

Модель 2: возбуждено УД или АД. Относительно стадии возбуждения дела необходимо сказать, что России сложилась специальная ситуация с официальной регистрацией событий как преступлений. Предельно упрощая: по каждому сообщению о

преступлении правоохрательными органами проводится проверка на предмет криминообразующих признаков (выявляется наличие или отсутствие состава преступления). И только если сообщение проходит проверку, то возбуждается уголовное дело, и сообщение регистрируется в качестве преступления [Титаев, Шклярчук, 2016; Панеях, Титаев, Шклярчук, 2018]. В международной практике все сообщения о преступлениях регистрируются сразу, в момент поступления в правоохрательные органы.

В модели 2, предсказывающей возбуждение дела, статистически значимые эффекты есть по шести переменным. Остановимся на наиболее интересных результатах. На стадии возбуждения дела эффекты степени тяжести преступления, за исключением дистанционности, сохраняют свою значимость. Неизменным остается направление влияния ущерба, однако меняется направление эффекта насилия в сравнении с предыдущей стадией обращения в органы. По какой-то причине присутствие насилия делает преступление менее вероятным для возбуждения дела (т.е. формально с меньшей вероятностью событие становится преступлением – именно стадия возбуждения УД превращает событие в преступление). Это может быть связано с организационными стимулами работы правоохрательных органов, которые поощряют регистрацию лишь тех преступлений, которые легче раскрыть [Панеях, Титаев, Шклярчук, 2018]. А насильственные преступления в целом являются менее массовыми, чем имущественные, значит правоохратели сталкиваются с ними реже, и работать с ними может быть сложнее. Таким образом в модели 2 гипотеза H1 подтверждается лишь частично.

На этапе возбуждения дела в сравнении с моделью 1 становится значимым доход жертвы, и это единственная модель, где данный предиктор значим. Более высокий доход позволяет жертве рассчитывать на более высокую вероятность возбуждения дела (что согласуется с ожиданиями по гипотезе H2). Это может быть связано с эффектом относительно больших ресурсов для мобилизации права у жертвы. Так, например, если жертва может позволить себе консультацию у юриста или юридическое посредничество в общении с правоохрателями, то это повышает ее шансы на успех в мобилизации права. Кроме того, это может быть отчасти связано с картиной мира правоохрательных органов, которые видят человека, больше зарабатывающего, как более конвенционального члена общества. Однако это объяснение представляется менее правдоподобным, поскольку его могут перевешивать артефакты работы палочной системы: «неудобные» дела не будут возбуждаться несмотря на статус жертвы.

Также в модели сохраняют значимость и направление связи светлое время суток и численность населения, но наличие свидетелей и жилое пространство оказываются

незначимы. Таким образом, НЗ находит подтверждение лишь по переменной времени суток.

Наиболее важным по модели 2 результатом является то, что если жертва работает, то вероятность возбуждения дела значимо выше, и это говорит в пользу Н2. Обратим внимание, что этот предиктор из всех пяти зависимых переменных значим только для возбуждения дела. Представляется, что это свидетельствует о тем неравенстве, которое существует в отношении маргинализованных групп в российской уголовной юстиции в целом. [Волков, 2014; Volkov, 2016]. Так, судьи учитывают положение подсудимых в обществе исходя из информации о трудоустройстве (источнике дохода): в условиях большой нагрузки они «вырабатывают стереотипы восприятия (“ярлыки”), которые позволяют быстро формировать суждение об опасности подсудимого» [Волков, 2014: 82]. По всей видимости, ранние стадии уголовного процесса также содержат подобные закономерности, при этом, согласно нашему результату, они работают и в отношении жертв. Иначе говоря, трудовой статус жертвы может являться важным маркером для следователей и дознавателей, принимающих решение о возбуждении дела. Еще более логичной видится мысль о том, что преступления с маргинализованными жертвами, при обращении их в полицию, в принципе не вызывают какой-либо правовой реакции со стороны сотрудников. Такие обращения могут либо в принципе не регистрироваться (не заноситься в книгу учета сообщений о происшествиях (КУСП)), либо вести к постановлению об отказе в возбуждении дела. Это отчасти подтверждается качественными данными, собранными на этапе разработки опроса, хотя здесь и описана более радикальный случай социального статуса (интервью проведено автором, информант – мужчина, 38 лет):

О: Звонишь, объясняешь ситуацию. Прямо туда звоню – горячая линия, вот – и им всю ситуацию, все им фамилии скидываю этих, начальника уголовного розыска, и короче, всем рассказываю, что вот такое отношение ко мне. Вообще я потерпевший, а ко мне, бл...ть, чуть ли не как к этому, аферисту какому-то, знаете. Они смотрят, что у меня есть судимость, они смотрят, что, а ты, говорит, сам её сп...здил. Знаете, они как бы на меня, вот. То есть я там почувствовал себя не потерпевшим, а бл...ть чуть ли не обвиняемым.

Таким образом, есть некий социальный водораздел в отношениях с правовой системой между людьми работающими и неработающими. Правоохранители воспринимают работающих людей как более устроенных, мотивированных на соблюдение общественных норм, и с меньшей вероятностью имеющих нелегальные источники дохода. И это восприятие воспроизводится в самой разной коммуникации: оно актуально и для жертв преступлений (которые, казалось бы, должны восприниматься как уязвимая сторона), а не только для нарушителей.

Модель 3: виновный установлен. Чем выше ущерб от преступления, тем меньше вероятность, что виновный при возбужденном деле будет установлен, что не согласуется с гипотезой Н1 – это интересный эффект, который требует более тщательного рассмотрения, а на данный момент вряд ли может быть содержательно интерпретирован. Дистанционный характер преступления негативно связан с установлением виновного. Этот эффект согласуется с Н1 и он логичен не только на уровне здравого смысла (преступника, который далеко, сложнее выявить и локализовать), но и на уровне рассуждения о практиках работы правоохранителей. Дело в том, что полиция, сталкиваясь с такого рода удаленной преступностью, не имеет отлаженных тактик работы с ней. Преступления, совершенные с использованием информационных технологий, сложнее расследовать и раскрывать¹⁶, а в условиях высокой рабочей нагрузки на следователей и дознавателей у них не остаётся возможностей для быстрой адаптации и разработки моделей работы по таким видам преступлений.

Пол и возраст жертвы также оказываются значимыми для установления виновного: для жертв-мужчин вероятность установления виновного ниже, и она же растёт с возрастом жертвы. Однако эти переменные не предполагают гипотетически ожидаемой связи, а остальные переменные характеристик жертвы, которые отнесены к гипотезе Н2, незначимы. По гипотезе Н3 значимо только наличие свидетелей – их присутствие увеличивает вероятность того, что виновный будет установлен. Надо думать, что это может быть связано как напрямую, так и косвенно, но дать конкретную интерпретацию на наличествующих данных представляется сложным.

Модель 4: дело дошло до суда. В модели 4 переменные, относящиеся к гипотезам Н1 и Н2, оказались незначимыми. Светлое время суток значимо и отрицательно связано с вероятностью того, что дело дойдет до суда (что согласуется с гипотезой Н3). Однако население и факт преступления в жилом пространстве негативно связаны с тем, что дело дойдет до суда, что противоречит гипотезе Н3. Здесь необходимо сделать пояснение относительно всех предикторов, используемых в моделях 2-5 без изменений в сравнении с моделью 1. Конечно, на последующих стадиях мобилизации права такие ситуационные предикторы как время суток, жилое место или размер населенного пункта, могут казаться не слишком релевантными. И они действительно, как допускает автор, имеют на последующих стадиях меньшую роль, чем на стадии обращения в органы. Однако представляется, что тот факт, что часть из них оказываются значимыми, может быть связан с косвенным влиянием конкретных видов преступности, тяготеющих к определенным

---

¹⁶ Для краткого экскурса в дистанционные мошенничества в России см.: [Кнорре, 2018].

ситуациям. Поскольку практики работы правоохранителей разнятся в зависимости от видов преступлений, и есть набор типовых составов, то значимые эффекты ситуации преступления могут говорить о косвенном влиянии этих практик работы.

Модель 5: виновный наказан. Виновный оказывается наказан (в представлении жертвы) с меньшей вероятностью, если преступление включало насилие. Это говорит о том, что жертва не может «простить» преступнику более тяжкое преступление в сравнении с менее тяжким. И в целом это согласуется с объяснительной рамкой теории права Блэка. Также значимы эффекты светлого времени суток и наличия свидетелей. Светлое время суток, как и в других моделях, связано с зависимой переменной отрицательно. Наличие свидетелей также имеет отрицательную связь с шансами на наказание виновного. Важно учитывать, что здесь наказание виновного понимается исключительно в картине мира жертвы. Возможно, что в каких-то случаях виновный понёс наказание по закону, но жертва не посчитала вину искупленной, и не почувствовала, что потери от произошедшего с ней были восполнены.

Заключение

Целью настоящей работы являлось выявление наличия и характера связи между разными характеристиками преступления и социального статуса жертвы и вероятностью обращения в правоохранительные органы по поводу этого преступления, а также успешности этого обращения. В процессе достижения цели был выполнен ряд задач. В частности, были проанализированы теоретические основы социологического исследования мобилизации права и существующие эмпирические исследования по этой теме. Были обоснованы необходимые данные и методология исследования мобилизации уголовного права в России. Также были выдвинуты три конкретные гипотезы о закономерностях мобилизации уголовного права в России (Н1, Н2, Н3). Гипотезы были проверены путем количественного анализа данных репрезентативного на уровне страны виктимизационного опроса. Полученные в ходе анализа результаты получили там, где это возможно, содержательную интерпретацию.

По итогу анализа теоретических предпосылок и существующих исследований мобилизации права был сделан ряд выводов. Правовую систему заставляют работать (мобилизуют) люди: она не функционирует сама по себе. Это могут быть как простые граждане (реактивная мобилизация), так и представители государства (проактивная мобилизация). Исследования мобилизации права различаются в зависимости от этого разделения, а также разделения на публичное и частное право, подходы от действия и от результата.

Социальные факторы мобилизации права у Блэка не предполагают однозначного и единственного эмпирического референта. При оценке одного фактора не является принципиальным условием использование лишь какого-то конкретного индикатора или типа данных [Michalski, 2008: 256]. Поэтому теория Блэка может претендовать на универсальность, однако это позволяет учёным использовать различные индикаторы для одних и тех же параметров социальной структуры. Операционализация осуществляется довольно произвольно в том смысле, что одни и те же индикаторы могут приписываться разным измерениям социального пространства. Это не является большой методологической проблемой. Согласно Блэку, лишь нормативное измерение (социальный контроль) из всех имеет однозначно обратную связь с количеством права. Из-за этого произвольная операционализация почти не затрагивает результатов исследований, для которых не важны названия переменных. Тем не менее, это может влиять на содержательные выводы о связи права с иными аспектами социальной жизни. Сама теория допускает достаточно широкую дискрецию при выборе эмпирических индикаторов и не навязывает никаких однозначных примеров. Однако зачастую этот потенциал не удаётся

реализовать, поскольку доступные данные ограничены, как те наборы переменных, которые можно из них сконструировать.

Несмотря на ограничения настоящей работы, она делает значимый вклад в дискуссию о мобилизации права. По итогам работы были сделаны важные выводы, в заключении стоит обозначить основные из них.

В основной регрессионной модели обращения в правоохранительные органы в России полностью подтвердилась гипотеза о положительной связи этого обращения и тяжести преступления. Значительное число социальных характеристик, связанных с гипотезой о статусе жертвы, также показало ожидаемую связь с обращением в правоохранительные органы. Частично подтвердилась и третья гипотеза о связи мобилизации права и внеправового социального контроля в ситуации преступления. Значимыми для мобилизации права оказались и контрольные переменные пола и возраста, безусловно требующие дальнейших сфокусированных исследований.

Неполное подтверждение гипотез, выдвинутых на основе теории Блэка, вызвано, на взгляд автора, ограничениями используемых данных. Главный методологический вызов тестирования любой теории, и теории Блэка в частности, заключается в операционализации и подборе таких данных, которые бы наиболее точно отражали подразумеваемые в теории концепты [Michalski, 2014: 6]. Это, как следует и из существующей литературы, хорошо удаётся далеко не всегда.

Также были построены модели успешности мобилизации права, которые позволили выявить ряд статистически значимых связей. Из них стоит выделить как наиболее важную находку о положительной связи вероятности возбуждения дела и трудоустроенности жертвы. Кроме этого, стоит выделить негативную связь между дистанционным характером преступления и фактом установления виновного.

В целом результаты исследования согласуются с тем, что было выявлено ранее на американских данных: разные фазы мобилизации права обнаруживают разные закономерности в связи с социальной структурой [Avakame, Fyfe, McCoy, 1999: 728]. Работа посредством построения пяти разных моделей выявила, что на разных стадиях траектории мобилизации права социальные и контекстуальные характеристики могут иметь разную связь с мобилизацией.

В качестве перспективы для дальнейших исследований можно выделить несколько направлений. Во-первых, часть представленных в исследовании результатов нуждается в интерпретации, построенной с использованием качественных данных, которые могут быть получены путём проведения интервью или фокус-групп с жертвами преступлений, а также правоохранителями. Кроме того, может быть использован потенциал качественных данных

о виктимном опыте из интернета в виде, например, записей в социальных сетях, блогах и на форумах, публикаций в СМИ. Во-вторых, исследование количественных данных может быть продолжено в сравнительном ключе: возможны, с одной стороны, детализированные сравнения с официальной статистикой виктимизации, и с другой стороны, сравнения с данными виктимизационных опросов других стран (последние в силу методологических различий опросов разных стран и их правовых систем требуют внимательного подхода к компаративному анализу и большого количества допущений).

В-третьих, важным условием для развития российских исследований мобилизации уголовного права и латентной преступности должно быть регулярное проведение в России профессиональных виктимизационных опросов, репрезентативных на уровне страны, и публикация их данных в открытом доступе в дезагрегированном виде. В долгосрочной перспективе при условии развития этой области исследований такие опросы должны стать полноценными панельными обследованиями. Адекватное выделение трендов преступности и виктимизации, а также мобилизации права, возможно лишь при использовании панельных данных, пригодных для кроссвременных сравнений [Baumer, Lauritsen, 2010].

Список литературы

1. Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований: учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. М.: Аспект-Пресс, 1995. 287 с.
2. Блэк Д. Поведение закона. Глава 1. Введение, Глава 2. Стратификация, Часть 1 // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов / под ред. Э. Л. Панеях. М.: Статут, 2014. С. 131–144.
3. Веркеев А. М. Эмпирические индикаторы мобилизации права // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018а. № 3. С. 91–109.
4. Веркеев А. М. Опросы жертв преступлений: уроки международного опыта // Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Секция молодых исследователей. Санкт-Петербург, 25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018b. С. 760–761.
5. Веркеев А. М., Волков В. В., Дмитриева А. В., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Кузнецова Д. А., Кучаков Р. К., Титаев К. Д., Ходжаева Е. А. Как изучать жертв преступлений? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 4–31.
6. Волков В. В. Влияние социального статуса подсудимого на решение суда // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4. С. 62–85.
7. Волков В. В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 34–42.
8. Гурвич И. Н. Виктимизация как фактор изменения правосознания // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 142–143.
9. Иншаков С. М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 16. С. 107–130.
10. Кнорре А. Киберпреступность в домашних тапочках // Ведомости. 18.10.2018.
11. Кнорре А. В., Ходжаева Е. А. Опросы общественного мнения о работе полиции: методологический анализ инструмента и результатов. Аналитическая справка / под ред. К. Д. Титаева. СПб.: ИПП ЕУСПб, 2016.
12. Кнорре А., Титаев К. Преступность и виктимизация в России. Результаты всероссийского виктимизационного опроса. СПб.: ИПП ЕУСПб, 2018. 36 с.
13. Кристи Н. Удобное количество преступлений. СПб.: Алетейя, 2006. 184 с.

14. Кузнецов Д. Концепция «поведения закона» Дональда Блэка: рождение чистой социологии из духа криминальной статистики // Социология власти. 2015. Т. 27. № 2. С. 16–47.
15. О’Брайен Р. Факты преступности: сведения о правонарушителях и их жертвах // Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели. СПб.: Питер, 2003. С. 103–132.
16. Панеях Э., Титаев К., Шклярчук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 476 с.
17. Титаев К., Шклярчук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М.: Норма, 2016.
18. Титаев К., Кнорре А. Как реальная преступность отличается от официальной // Ведомости. 14.06.2018.
19. Фелстинер У. Л. Ф., Абель Р., Сарат О. Возникновение и трансформация споров: название, обвинение, требование // Социология власти. 2015. Т. 27. № 2. С. 207–238.
20. Avakame E. F., Fyfe J. J., McCoy C. “Did you Call the Police? What did they do?” An Empirical Assessment of Black’s Theory of Mobilization of Law // Justice Quarterly. 1999. Vol. 16. No. 4. P. 765–792.
21. Baumer E. P., Lauritsen J. L. Reporting crime to the police, 1973–2005: a multivariate analysis of long-term trends in the National Crime Survey (NCS) and National Crime Victimization Survey (NCVS) // Criminology. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 131–185.
22. Berg M. T., Rogers E. M. The Mobilization of Criminal Law // Annual Review of Law and Social Science. 2017. Vol. 13. P. 451–469.
23. Black D. The Mobilization of Law // The Journal of Legal Studies. 1973. Vol. 2. No. 1. P. 125–149.
24. Black D. The Behavior of Law. New York: Academic Press, 1976.
25. Black D. Common Sense in the Sociology of Law // American Sociological Review. 1979. Vol. 44. No. 1. P. 18–27.
26. Black D. Dreams of Pure Sociology // Sociological Theory. 2000. Vol. 18. No. 3. P. 343–367.
27. Black D. Pure Sociology and the Geometry of Discovery // Contemporary Sociology. 2002. Vol. 31. No. 6. P. 668–674.
28. Braithwaite J., Biles D. Empirical Verification and Black’s “The Behavior of Law” // American Sociological Review. 1980. Vol. 45. No. 2. P. 334–338.

29. Catalano S. M. *The Measurement of Crime: Victim Reporting and Police Recording*. New York: LFB Scholarly Publishing, 2006.
30. Clay-Warner J., McMahon-Howard J. Rape Reporting: “Classic Rape” and the Behavior of Law // *Violence and Victims*. 2009. Vol. 24. No. 6. P. 723–743.
31. Cooney M. Still Paying the Price of Heterodoxy: “The Behavior of Law” a Quarter-Century On // *Contemporary Sociology*. 2002. Vol. 31. No. 6. P. 658–661.
32. Cooney M. *Is Killing Wrong? A Study in Pure Sociology*. University of Virginia Press, 2009.
33. Copes H., Kerley K. R., Mason K. A., Van Wyk J. Reporting Behavior of Fraud Victims and Black’s Theory of Law: An Empirical Assessment // *Justice Quarterly*. 2001. Vol. 18. No. 2. P. 343–363.
34. Cummings S. L. Empirical Studies of Law and Social Change: What is the Field? What are the Questions? // *Wisconsin Law Review*. 2013. P. 171–204.
35. De Soto H. *The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World*. New York: Harper and Row, 1989.
36. Doyle D. P., Luckenbill D. F. Mobilizing Law in Response to Collective Problems: A Test of Black’s Theory of Law // *Law & Society Review*. 1991. Vol. 25. No. 1. P. 103–116.
37. Felson R. B., Messner S.F., Hoskin A.W., Deane G. Reasons for Reporting and Not Reporting Domestic Violence to the Police // *Criminology*. 2002. Vol. 40. No. 3. P. 617–648.
38. Field A., Miles J., Field Z. *Discovering Statistics Using R*. Los Angeles, CA: Sage, 2012.
39. Golladay K. A. Reporting Behaviors of Identity Theft Victims: An Empirical Test of Black’s Theory of Law // *Journal of Financial Crime*. 2017. Vol. 24. No. 1. P. 101–117.
40. Gottfredson M., Gottfredson D. *Decision Making in Criminal Justice: Toward the Rational Exercise of Discretion*, 2nd ed. NY: Plenum Press, 1988.
41. Gottfredson M. R., Hindelang M. J. A Study of the Behavior of Law // *American Sociological Review*. 1979a. Vol. 44. No. 1. P. 3–18.
42. Gottfredson M. R., Hindelang M. J. Theory and Research in the Sociology of Law // *American Sociological Review*. 1979b. Vol. 44. No. 1. P. 27–37.
43. Graham K. T., Borg M. J., Miller B. L. Mobilizing Law in Latin America: An Evaluation of Black’s Theory in Brazil // *Law & Social Inquiry*. 2013. Vol. 38. No. 2. P. 322–341.
44. Holtfreter K. The Effects of Legal and Extra-Legal Characteristics on Organizational Victim Decision-Making // *Crime, Law and Social Change*. 2008. Vol. 50. P. 307–330.
45. Kuo S. Y., Cuvelier S. J., Sheu C. J., Chang K. M. Crime Reporting Behavior and Black’s Behavior of Law // *International Sociology*. 2012. Vol. 27. No. 1. P. 51–71.

46. Marshall D. The Dangers of Purity: On the Incompatibility of “Pure Sociology” and Science // *The Sociological Quarterly*. 2008. Vol. 49. No. 2. P. 209–235.
47. Michalski J. H. The Social Life of Pure Sociology // *The Sociological Quarterly*. 2008. Vol. 49. No. 2. P. 253–274.
48. Michalski J. H. The Behavior of Law: A Theoretical Integration // *The Open Social Science Journal*. 2014. Vol. 6. P. 1–7.
49. Michalski J. H. Scientific Partisanship: The Social Geometry of Intellectual Support // *Canadian Review of Sociology*. 2017. Vol. 54. No. 2. P. 147–173.
50. Phillips S. The Social Structure of Vengeance: A Test of Black’s Model // *Criminology*. 2003. Vol. 41. No. 3. P. 673–708.
51. Rennison C. M., Rand M. Introduction to the National Crime Victimization Survey // *Understanding Crime Statistics: Revisiting the Divergence of the NCVS and the UCR* / ed. by J. P. Lynch, L. A. Addington. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 17–54.
52. Reyns B. W., Randa R. Victim Reporting Behaviors Following Identity Theft Victimization: Results From the National Crime Victimization Survey // *Crime & Delinquency*. 2017. Vol. 63. No. 7. P. 814–838.
53. Rosenfeld R., Jacobs B. A., Wright R. Snitching and the Code of the Street // *British Journal of Criminology*. 2003. Vol. 43. No. 2. P. 291–309.
54. Skogan W. G. Reporting Crimes to the Police: The Status of World Research // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1984. Vol. 21. No. 2. P. 113–127.
55. Slocum L. A. The Effect of Prior Police Contact on Victimization Reporting: Results from the Police–Public Contact and National Crime Victimization Surveys // *Journal of Quantitative Criminology*. 2017. Vol. 34. No. 2. P. 535–589.
56. Stanko E. Women, Crime, and Fear // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1995. Vol. 539. P. 46–58.
57. Sutton R. M., Farrall S. Gender, Socially Desirable Responding and the Fear of Crime: Are Women Really More Anxious about Crime? // *British Journal of Criminology*. 2005. Vol. 45. No. 2. P. 212–224.
58. Tilley N., Tseloni A. Choosing and Using Statistical Sources in Criminology: What Can the Crime Survey for England and Wales Tell Us? // *Legal Information Management*. 2016. Vol. 16. No. 2. P. 78–90.
59. van Dijk J. The Case for Survey-Based Comparative Measures of Crime // *European Journal of Criminology*. 2015. Vol. 12. No. 4. P. 437–456.

60. van Kesteren J., van Dijk J. Key Victimological Findings from the International Crime Victims Survey // *International Handbook of Victimology* / ed. by S. G. Shoham, P. Knepper, M. Kett. Boca Raton: CRC Press, 2010. P. 151–180.
61. van Kesteren J., van Dijk J., Mayhew P. The International Crime Victims Surveys: A Retrospective // *International Review of Victimology*. 2014. Vol. 20. No. 1. P. 49–69.
62. Volkov V. Legal and Extralegal Origins of Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts // *Journal of Empirical Legal Studies*. 2016. Vol. 13. No. 4. P. 637–655.
63. Wong K. C. Crime Clearance Rates in Canadian Municipalities: A Test of Donald Black's Theory of Law // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2010. Vol. 38. No. 1. P. 17–36.
64. Wooldridge J. M. *Introductory Econometrics: A Modern Approach*. USA: Cengage Learning, 2016.
65. Xie M., Lauritsen J. L. Racial Context and Crime Reporting: A Test of Black's Stratification Hypothesis // *Journal of Quantitative Criminology*. 2012. Vol. 28. No. 2. P. 265–293.
66. Zaykowski H. Reconceptualizing Victimization and Victimization Responses // *Crime & Delinquency*. 2015. Vol. 61. No. 2. P. 271–296.
67. Zemans F. Legal Mobilization: The Neglected Role of the Law in the Political System // *American Political Science Review*. 1983. Vol. 77. No. 3. P. 690–703.

Приложение 1. Средние предельные эффекты

Таблица 8.

Логистическая регрессия траектории мобилизации уголовного права в России, коэффициенты – средние предельные эффекты (Average Marginal Effects, AME).

	1	2	3	4	5
	Reporting	Возбуждено УД или АД	Виновный установлен	Дело дошло до суда	Виновный наказан
Насилие	0.224*** (0.033)	-0.085* (0.050)	0.084 (0.070)	-0.012 (0.086)	-0.309*** (0.133)
Ущерб в рублях (lg)	0.061*** (0.005)	0.037*** (0.008)	-0.027** (0.012)	0.003 (0.016)	-0.025 (0.016)
Дистанционное	-0.072*** (0.027)	-0.050 (0.046)	-0.297*** (0.064)	-0.115 (0.118)	-0.196 (0.181)
Мужской пол	-0.048** (0.023)	-0.052 (0.036)	-0.134*** (0.050)	-0.024 (0.066)	0.023 (0.046)
Возраст	0.002*** (0.001)	0.000 (0.001)	0.004** (0.002)	-0.002 (0.002)	0.000 (0.002)
Доход	0.011 (0.009)	0.032** (0.015)	0.021 (0.020)	0.009 (0.028)	-0.038 (0.024)
Образование	0.034** (0.013)	-0.001 (0.023)	-0.037 (0.032)	0.019 (0.041)	-0.075 (0.043)
В браке	0.039* (0.023)	-0.030 (0.036)	0.037 (0.052)	0.076 (0.069)	0.068 (0.062)
Учится	-0.111*** (0.038)	-0.075 (0.070)	0.042 (0.099)	0.113 (0.108)	-0.132 (0.137)
Работает	-0.035 (0.025)	0.163*** (0.038)	-0.001 (0.057)	-0.048 (0.068)	0.065 (0.058)
Без судимости	0.076* (0.043)	-0.088 (0.067)	-0.050 (0.090)	0.003 (0.113)	0.155 (0.158)
Светлое время суток	-0.045* (0.023)	-0.124*** (0.035)	0.028 (0.050)	-0.122** (0.059)	-0.156*** (0.052)
Жилое место	0.153*** (0.027)	0.031 (0.039)	0.083 (0.053)	0.122* (0.062)	-0.002 (0.048)
Свидетели	0.020 (0.022)	-0.022 (0.034)	0.130*** (0.049)	-0.053 (0.059)	-0.091** (0.045)

Население (lg)	-0.034*** (0.009)	-0.034** (0.015)	-0.028 (0.021)	-0.055* (0.028)	-0.019 (0.028)
Constant	-0.270*** (0.076)	0.154 (0.130)	0.157 (0.175)	0.521** (0.240)	0.685** (0.247)
Наблюдения	2506	972	504	244	163
Log Likelihood	-1553.856	-623.973	-318.144	-131.864	-57.257
Akaike Inf. Crit.	3139.712	1279.946	668.288	295.728	146.515
Nagelkerke pseudo R-squared	0.18	0.11	0.15	0.13	0.32
* p<0.1; ** p<0.05; *** p<0.01					

Стандартные ошибки в круглых скобках.

Приложение 2. График отношений шансов

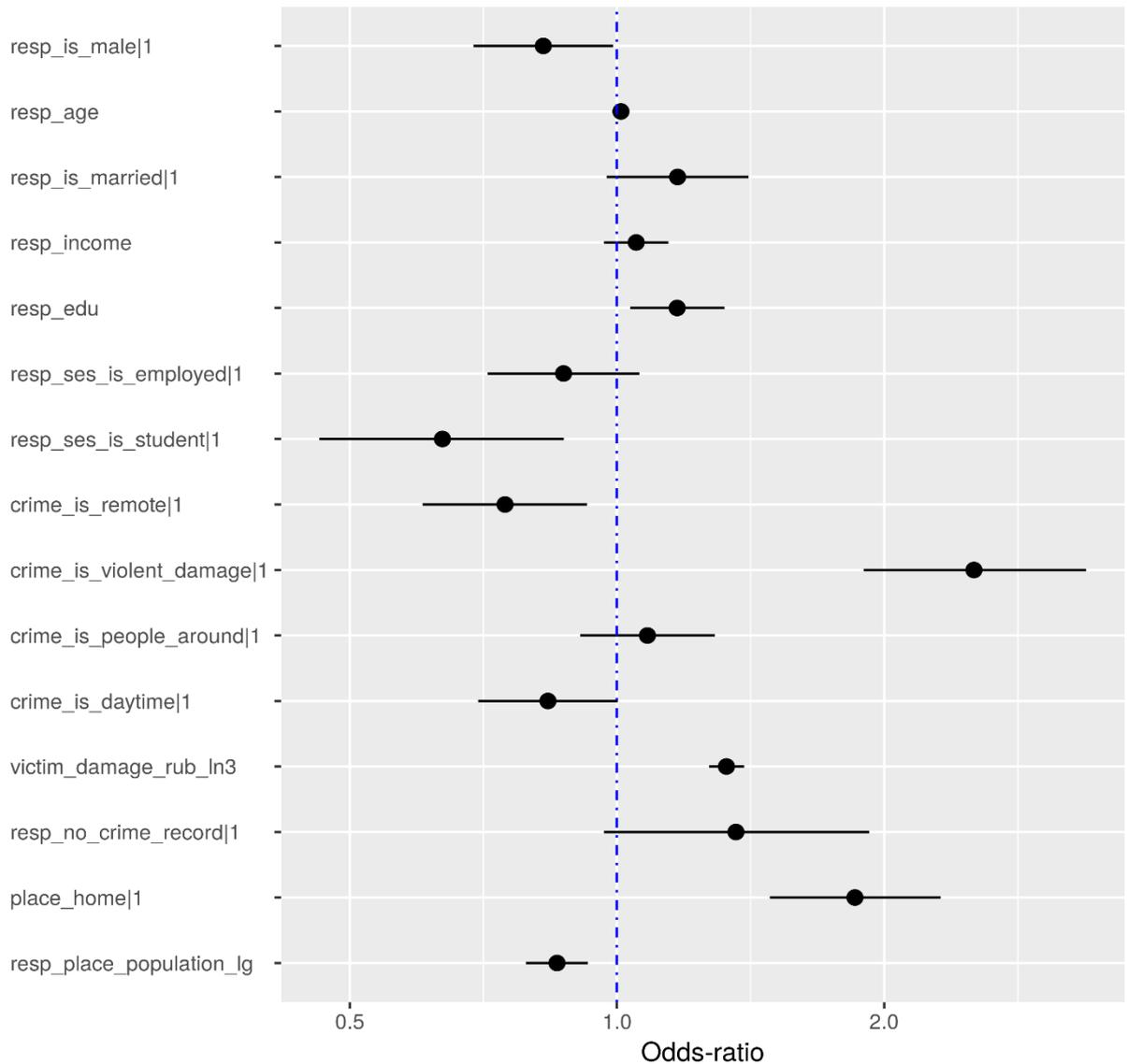

Рисунок 2. Логистическая регрессия обращения в правоохранительные органы: график отношений шансов (отложены по оси абсцисс с доверительными интервалами).